ИГНАТ ЧЕРЕМИС

ОБВИНЕНИЕ ДО СУДА

Игнат Черемис

Обвинение до суда

«Автор»
2026

Черемис И.

Обвинение до суда / И. Черемис — «Автор», 2026

Портового кладовщика Антона Белова обвиняют в убийстве аудитора. Признание подписано, время задержания записано, маршрут машины восстановлен по камерам — дело кажется закрытым. Но адвокат Илья Северцев замечает невозможную деталь: главный документ появился раньше, чем Антона доставили в отдел.За девять дней защите предстоит проверить журнал ключей, два реестра благотворительного фонда, исчезнувший груз и три кадра, из которых следствие собрало одну поездку. Чем точнее становятся факты, тем яснее: полгорода зависит от человека, которому выгоден удобный обвиняемый. Чтобы освободить Антона, Илье придётся отказаться от лёгких улик и доказать правду только тем путём, который выдержит открытый суд.

© Черемис И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Подпись до задержания 6
Глава 2. Ячейка восемнадцать 16
Глава 3. Город на содержании 26
Глава 4. Сестра бухгалтера 33
Глава 5. Сорок лишних минут 40
Глава 6. Ключ на двух кольцах 46
Глава 7. Пациент без поставки 53
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Игнат Черемис
Обвинение до суда

От автора

Готовое обвинение удобно: в нём уже есть виновный, мотив и место для подписи. Эта книга — о том, почему удобство не заменяет проверку и как один неверный час возвращает человеку право быть услышанным.

Все важные детали появляются заранее: время документа, журнал ключей, два списка одной поставки и маршрут фургона.

Глава 1. Подпись до задержания

К половине шестого утра снег над Ладожском шёл почти горизонтально. Он бил в окна районного отдела, таял на стекле и снова замерзал по краям мутной коркой. В коридоре пахло мокрой шерстью, дешёвым кофе и хлоркой. Илья Северцев сидел на привинченном к полу стуле, держал на коленях тонкую папку и ждал, когда кто-нибудь вспомнит, зачем вызвал адвоката по назначению в такую рань.

Дежурный за стеклом дважды спросил его фамилию, хотя удостоверение лежало перед ним. Потом позвонил наверх и сказал в трубку:

— Защитник пришёл. Да, тот самый. Нет, не выбирал.

Илья сделал вид, что не услышал последней фразы. За двадцать лет практики он научился отличать обычную ночную усталость от желания заранее поставить человека на место. Здесь было второе. Его не приглашали к задержанному; его терпели возле турникета, пока в кабинетах завершали что-то, куда защитника пускать не хотели.

Телефон показывал 5:34. Вызов из палаты пришёл в 4:58. Женский голос назвал отдел, фамилию следователя и статью, но на вопрос, когда задержали человека, ответил: «Всё на месте объяснят». Илья записал время звонка на обороте повестки. Привычка выглядела мелочной, пока однажды такая минута не оказалась единственной частью ночи, которую никто не сумел переписать.

На стене напротив висела фотография летнего порта. Синие краны, белые борта, чистая вода. Настоящий порт находился в семи кварталах отсюда и сейчас гудел в снегу, пах соляркой и сырой рудой. Илья знал его не хуже центральной площади. Его отец проработал там крановщиком тридцать два года и до самой смерти называл город не Ладожском, а причалом: всё остальное, говорил он, выросло вокруг.

Дверь на лестницу открылась. В коридор вышла невысокая женщина в сером костюме и тёмно-синем свитере. Волосы были собраны так туго, будто ей предстояло не дежурство, а экзамен.

— Северцев?

— Да.

— Следователь Ремезова. Поднимайтесь.

Она не протянула руки. На её пропуске Илья успел прочесть имя: Ольга Павловна. Тридцать семь или чуть меньше, усталость под глазами, на правом рукаве белая пыль от стены. Не начальственный блеск, а человек, который провёл ночь в чужих кабинетах и теперь хотел закончить работу до пересменки.

— Мой подзащитный здесь? — спросил Илья на лестнице.

— Здесь.

— С какого времени?

— Все документы получите.

— Я спрашиваю не про документы.

Ремезова поднялась ещё на две ступени и только тогда обернулась.

— Илья Андреевич, давайте без утренних игр. Человек задержан по подозрению в особо тяжком преступлении. Тело нашли на складе, где он работал. На его одежде кровь погибшего. Есть показания, есть мотив. Я обеспечила защитника сразу, как он попросил.

— Когда попросил?

— В протоколе увидите.

Илья ничего не ответил. В её коротком перечислении слишком многое звучало как текст, произнесённый уже не первый раз. Только слушателей до него, вероятно, не было.

На втором этаже окна выходили во двор. Под фонарём стоял полицейский фургон с налипшим на бока снегом. За ним виднелись две легковые машины и пустая площадка перед гаражом. Следов шин почти не осталось: дворник уже прошёлся щёткой от ворот к крыльцу.

Ремезова привела Илью в кабинет номер двенадцать. На двери висела свежая бумажка с её фамилией, приклеенная поверх другой таблички. Внутри стояли два стола, шкаф и диван с продавленной серединой. На подоконнике остывали три бумажных стаканчика. Значит, ночью здесь работали как минимум трое.

Мужчина у шкафа закрыл ящик и вышел, не представившись. Илья заметил широкие плечи под гражданской курткой и каплю засохшей грязи на манжете. За соседним столом никто не сидел, но компьютер был включён. На экране светилось окно с пустой строкой пароля.

Ремезова положила перед адвокатом постановление.

— Ознакомьтесь. Потом пройдём к Белову.

— Сначала я поговорю с ним наедине.

— Разумеется.

Илья снял перчатки и открыл папку. Антон Сергеевич Белов, тридцать девять лет, кладовщик грузового участка номер четыре. Подозревается в убийстве аудитора Глеба Викторовича Самойлова. Тело Самойлова обнаружено в 00:40 между стеллажами склада временного хранения. Предполагаемое орудие — металлическая рукоять от ручной лебёдки. Белов находился в здании, первым сообщил об обнаружении тела и не смог убедительно объяснить наличие крови на куртке.

Фраза «не смог убедительно объяснить» появилась в постановлении раньше, чем Илье дали услышать объяснение самого Белова.

— Кто нашёл рукоять? — спросил он.

— Она лежала рядом.

— Отпечатки?

— Исследуются.

— Видеозаписи?

— Изъяты.

— Время смерти?

Ремезова едва заметно вздохнула.

— Предварительно между двадцатью тремя и полуночью. Заключения эксперта пока нет. Вам сейчас нужен не весь том, а основания задержания.

— Мне нужен человек, которого вы задержали.

Она достала из синей папки ещё несколько листов. Верхний был озаглавлен «Протокол задержания подозреваемого». Илья увидел время составления — 02:10 — и ниже подпись Белова. Чёткая, крупная, с длинным росчерком под фамилией. В строке о фактическом задержании значилось: 01:35.

— Где его задержали?

— На территории порта.

— В постановлении написано, что после обнаружения тела его доставили для объяснений.

— И?

— Доставили когда?

— Около часа ночи.

— То есть в отдел он приехал раньше, чем был задержан.

— Он приехал добровольно. Потом появились основания.

Илья провёл пальцем по нижнему краю листа. Бумага была тёплой, будто недавно вышла из принтера. Само по себе это ничего не доказывало: копию могли распечатать для защитника минуту назад. Он перевернул страницу и прочёл разъяснение прав. Напротив права на защит-

ника стояла подпись Белова и время 02:16. Напротив уведомления родственника — пометка «отказался», подпись и то же время.

— Он отказался звонить семье?

— Да.

— И попросил защитника только перед вашим звонком в палату?

— Сначала полагал, что справится сам. Потом передумал.

— В четыре пятьдесят?

— Время заявки у дежурного.

Ремезова смотрела прямо. Она не путалась и не оправдывалась. Либо всё действительно происходило так, либо версию успели выучить.

Илья перелистнул протокол ещё раз. Внизу второго листа находилась короткая запись от руки: «Замечаний не имею. Копию получил». Под ней — подпись Белова. Чернила были синие, линии ровные, без дрожи. В графе даты стояло сегодняшнее число.

— Копия у него?

— В личных вещах.

— Тогда идём.

Комната для свиданий с защитником находилась в конце коридора. Ремезова открыла её ключом, попросила подождать и через несколько минут вернулась с конвоиром. Между ними шёл худощавый мужчина в рабочей куртке с отражающими полосами. Куртка была расстёгнута, под ней виднелся синий свитер. На правом рукаве темнело большое бурое пятно.

Антон Белов двигался медленно, но не от сонливости. Он словно заранее проверял каждый шаг, чтобы не задеть стену и не дать повода взять себя под локоть. Лицо было серым, на подбородке — свежая царапина. Руки держал перед собой. Наручников не было.

— Двадцать минут, — сказала Ремезова.

— Столько, сколько нужно для защиты, — ответил Илья.

Она задержала взгляд на нём, потом вышла вместе с конвоиром. За дверью щёлкнул замок.

В комнате стояли стол и два стула. Камера под потолком смотрела на дверь, рядом с ней горел красный огонёк. Илья показал Белову удостоверение и назвал фамилию.

— Наш разговор никто не должен слушать. Если вы считаете иначе, скажите сразу.

Антон посмотрел на камеру.

— Она без звука, мне сказали.

— Проверить это отсюда я не могу. Поэтому пока не называйте того, что может вам повредить. Сначала поймём, что уже произошло. Вас били?

— Нет.

— Угрожали?

Белов помедлил.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком аккуратно.

— Царапина откуда?

— На складе. Там угол у шкафа торчит.

— Медицинский осмотр был?

— Женщина посмотрела руки, давление измерила. Здесь уже.

Илья сел, но папку не открыл.

— Вы понимаете, в чём вас подозревают?

— Я убил Самойлова.

Фраза прозвучала без вступления и без интонации. Как адрес, который заставили повторить для проверки.

— Я не спрашивал, что вы подписали. Я спросил, понимаете ли подозрение.

Антон облизнул пересохшие губы.

— Понимаю.

— Вы хотите признать вину?

— Я уже признал.

— Мне важно ваше желание сейчас. Не то, что было час назад.

Белов опустил взгляд на руки. Под ногтями оставалась чёрная складская пыль. На костяшке левого указательного пальца был старый белый шрам, на правой ладони — полоса свежего машинного масла. Человек, которого несколько часов держали в отделе, так и не получил возможности умыться.

— Мне сказали, адвокат только всё затянет, — произнёс он.

— Кто сказал?

— Не помню.

— Тогда почему согласились на меня?

— Следователь сказала, положено.

— В протоколе записано, что вы сами попросили защитника перед пятью утра.

Антон поднял голову.

— Я никого не просил. Вы сами пришли.

За стеной кто-то передвинул стул. Илья подождал, пока звук стихнет.

— Вы видели протокол задержания?

— Бумаги видел.

— Читали?

— Нет. Они говорили, где ставить.

— Кто — они?

— Следователь. Ещё мужчина был. Из порта, наверное. Нет, не из порта. Я его раньше не видел.

— В гражданской куртке, широкий?

Антон посмотрел на камеру и промолчал.

Илья достал копию протокола и положил перед ним так, чтобы лист закрывал движение губ от объектива.

— Это ваша подпись?

— Похожа.

— Не «похожа». Вы ставили её на этом листе?

Белов наклонился. Его взгляд прошёл по строкам и остановился на времени.

— Я ставил на пустом месте внизу. Текста столько не было.

— Совсем не было?

— Был верх. Фамилия моя, адрес. Ещё что-то. Вторую страницу подложили потом. Я не знаю.

— Во сколько это было?

— До того, как меня сюда привезли.

Илья не сразу задал следующий вопрос.

— Куда «сюда»?

— В отдел.

— Вы подписали протокол задержания в порту?

— Не знаю, как он назывался. В комнате охраны. Мне сказали: подпиши, что остаёшься до приезда полиции. Я подписал.

— Кто дал лист?

— Начальник безопасности. Фомин. Рядом стоял человек из фонда.

— Какого фонда?

— «Берег».

Название совпадало с надписью, которую Илья видел на машинах по всему городу. Фонд оплачивал ремонт детского отделения, привозил продукты в приют и каждую зиму ставил бесплатную столовую возле вокзала. Его учредитель Аркадий Мельник владел половиной складов вдоль бухты. Вторую половину, по словам отца Ильи, он просто ещё не успел оформить.

— Следователь присутствовала?

— Нет. Она позже приехала.

— Во сколько?

— Не знаю. Телефон забрали. На стене часы стояли. Когда меня посадили в комнате, было без двадцати двенадцать. Потом Самойлова нашли, все бегали. Потом пришёл Фомин с бумагой. А полиция приехала... Наверное, после двух.

Илья почувствовал, как внутри собирается холодная ясность. Не торжество: слишком рано. Белов мог ошибаться, лгать или путать время после бессонной ночи. Но протокол утверждал, что в 01:35 его задержала полиция, а в 02:10 следователь составила документ в отделе. Если подпись появилась в порту до приезда полиции, перед ним лежал не небрежно заполненный лист. Перед ним лежала заранее приготовленная оболочка, в которую потом вписали нужные часы.

— Вы говорите, Самойлова нашли после того, как вас посадили в комнате охраны?

— Да.

— Почему вас посадили туда до обнаружения тела?

Антон сжал пальцы.

— Фомин сказал, пропали документы со склада. Сказал ждать, пока проверят шкафчики.

— Какие документы?

— Реестр поставки.

— Какой именно?

— Я не могу.

Это было первое живое чувство на его лице — страх. Не растерянность человека, которого обвинили в убийстве, а узнаваемый страх перед словом, которое может долететь через дверь.

— Антон Сергеевич, обвинение в убийстве уже может разрушить вашу жизнь. Что страшнее этого?

— Не моя жизнь.

Илья вспомнил строку «от уведомления родственника отказался».

— У вас есть дети?

— Нет.

— Жена?

— Разведены давно.

— Родители?

— Мать умерла. Отец тоже.

— Кого вы защищаете?

Антон снова посмотрел на камеру.

— Я никого не защищаю. Я ударил Самойлова.

— Чем?

— Железкой.

— Какой?

— Которая там лежала.

— Вы знали, что это рукоять от лебёдки?

— Теперь знаю.

— Сколько раз ударили?

— Один.

— Куда?

— В голову.

— С какой стороны подошли?

Белов закрыл глаза. Несколько секунд он сидел неподвижно, затем ответил:

— Сзади.

— Почему на вашей куртке кровь?

— Брызнула.

— Если вы стояли сзади, куда она попала?

Антон посмотрел на пятно на правом рукаве, словно впервые его увидел.

— Не знаю.

— Вы касались Самойлова после удара?

— Наверное.

— Зачем?

— Проверил, живой ли.

— Как проверили?

— За плечо взял.

— Кровь была на плече?

— Я не помню.

Признание разваливалось не от хитрых вопросов, а от обычной попытки представить движение тела. Илья остановился. Добивать подзащитного противоречиями сейчас было опасно: тот замкнётся или начнёт угадывать правильные ответы.

— С этого момента вы ничего не объясняете без меня, — сказал он. — Ни следователю, ни конвоиру, ни человеку, который принесёт чай. Не подписываете ни одного листа, даже расписку за одеяло, пока не прочтёте и пока я не увижу. Если вас поведут на проверку показаний или попросят показать удар, вы говорите: «Желаю пользоваться правом не отвечать». Сможете повторить?

— А если от этого станет хуже?

— Уже хуже, чем должно быть по закону. Молчание не исправит всё, но не даст добавить к делу ещё одну удобную бумагу.

— Вы не понимаете.

— Тогда помогите понять.

Антон долго тёр большим пальцем свежую полосу масла на ладони.

— У моей сестры сердце, — сказал он тихо. — Она работает бухгалтером в «Береге». Ей нужны лекарства. Не дешёвые. Фонд оплачивает.

— Кто знает о вашем разговоре с ней?

— Все знают, где она работает.

— Лариса?

Антон вздрогнул, и Илья понял, что угадал имя не случайно: оно, вероятно, уже было в материалах, которых ему пока не показали, или прозвучало ночью в комнате охраны.

— Откуда вы знаете?

— Не знаю. Поэтому спрашиваю.

— Лариса. Она старше меня.

— Ей угрожали отменить оплату?

— Никто не угрожал.

Снова аккуратная формула. Не угрожали — просто напомнили, откуда приходят лекарства.

За дверью постучали.

— Время, — сказала Ремезова.

Илья не повысил голоса.

— Консультация не окончена.

— Через пять минут допрос.

— Допроса не будет. Мой подзащитный воспользуется правом не отвечать.

За дверью стало тихо.

Антон побледнел.

— Я не говорил, что отказываюсь.

— Сейчас у вас нет обязанности решать всё навсегда. Вы просто не отвечаете, пока мы не разберёмся с документами. Это моя рекомендация. Решение ваше.

— Они позвонят в фонд.

— Они и так оттуда не уходили.

Илья развернул протокол обратной стороной и написал: «Со слов А. С. Белова, подпись на незаполненном бланке поставлена в помещении охраны порта до прибытия полиции. Время сообщения — 06:07». Ниже поставил дату и свою подпись.

— Прочитайте.

Антон прочёл дважды.

— Мне подписывать?

— Нет. Сейчас этот лист останется у меня. Я зафиксировал, что вы сказали, но не превращаю разговор с защитником в ваше новое объяснение для следствия.

Он убрал лист отдельно от копий Ремезовой.

— Есть человек, который видел, когда вы подписывали бумагу?

— Дежурный охранник. Седой, фамилия Костин. И уборщица проходила.

— Камеры в комнате?

— В коридоре есть. Внутри не знаю.

— Часы на стене обычные или электронные?

— Обычные. Белые. Они спешат минут на семь, все знают.

— Почему все знают?

— Смена по ним не отмечается. Просто висят. Костин каждый раз ругается.

Эта подробность была слишком ненужной, чтобы её придумывать ради оправдания. Илья записал фамилию охранника и часы.

— Последний вопрос. Вы нашли Самойлова или вам сказали, что нашли?

Антон поднял глаза.

— Я нашёл.

— Как вы оказались у стеллажей, если вас держали в комнате охраны?

— Меня выпустили искать реестр. Сказали, без него утром смену не примут. Фомин сам отправил.

— А потом?

— Самойлов лежал у ячейки восемнадцать. Я потрогал шею, испачкал рукав. Позвал Костина. Потом прибежали остальные.

— Рукоять видели?

— Нет.

— Но признались, что ударили ею.

— Мне показали фотографию.

В дверь постучали снова, теперь сильнее.

Илья поднялся.

— Запомните одну вещь. Если вы защищаете сестру ложным признанием, вы не покупаете ей безопасность. Вы отдаёте тем же людям возможность решать, сколько она стоит. Пока молчите. Я проверю время и найду Ларису раньше, чем они успеют объяснить ей, что говорить.

Антон впервые посмотрел на него не как на очередного человека из отдела.

— Она не станет с вами разговаривать.

— Тогда хотя бы увидит, что к ней пришёл не фонд.

Ремезова вошла, не дожидаясь приглашения. За ней стоял тот самый мужчина в гражданской куртке. Увидев взгляд Ильи, он отступил в коридор.

— Закончили? — спросила следователь.

— Белов не будет давать показания.

— Антон Сергеевич, это ваше решение?

Белов посмотрел на стол. Потом на камеру. И наконец на Илью.

— Да. Пока адвокат не скажет.

— Адвокат не решает за вас.

— Тогда пока я сам не скажу.

Ремезова кивнула, будто именно такого ответа ожидала.

— Хорошо. Зафиксируем отказ. Илья Андреевич, вернёмся в кабинет.

— Сначала копия протокола моему подзащитному и возможность уведомить сестру.

— Он отказался от уведомления.

— Теперь не отказывается.

Антон резко поднял голову, но Илья не дал ему заговорить.

— Номер сообщит мне. Звонок проведёте в моём присутствии. Без обсуждения обстоятельств дела.

— Вы превращаете простое следственное действие в спектакль.

— Спектакль начался до моего прихода. Я проверяю, кто написал первый акт.

Ремезова сжала губы. Несколько секунд они смотрели друг на друга. Затем она велела конвоиру отвести Белова и принести его личные вещи.

В кабинете номер двенадцать Илья попросил журнал доставленных лиц, запись с камеры у входа и сведения о вызове машины из порта. Ремезова записала каждое требование на отдельном листе.

— Всё получите в установленном порядке.

— Журнал можно показать сейчас.

— Он у дежурного.

— Мы проходили мимо дежурного.

— Илья Андреевич, вы защищаете человека, которого нашли рядом с телом. Его кровь — на одежде вашего клиента. Коллеги слышали признание. Не делайте вид, будто семь минут в журнале отменяют труп.

— Семь минут не отменяют труп. Подпись до задержания не отменяет труп. Она отменяет уверенность, что всё остальное записали честно.

— Он сказал вам, что подписал заранее?

— Наш разговор закрыт законом.

— Значит, сказал.

— Значит, я прошу сохранить записи порта и отдела до того, как они случайно сотрутся.

Ремезова откинулась на спинку стула. За окном двор посветлел, снег стал крупнее. На стоянку въехала чёрная машина, слишком чистая для ночной дороги. Она остановилась не у общего входа, а возле бокового крыльца. Мужчина в длинном пальто вышел с заднего сиденья и поднялся по ступеням, не показав дежурному пропуск.

Илья подошёл к окну.

— Кто это?

— Не знаю.

Она ответила раньше, чем посмотрела.

Через минуту в коридоре послышались шаги. Дверь соседнего кабинета открылась, кто-то поздоровался подчёркнуто громко: «Аркадий Петрович». Ремезова перевернула лист с требованиями текстом вниз.

Илья вернулся к столу.

— Мельник приехал узнать, как идёт дело?

— Фонд Самойлова был связан с портом. Мельник работодатель свидетелей и потерпевшей стороны. Его опрашивают.

— В шесть утра через боковой вход.

— У влиятельных людей тоже бывает бессонница.

— Особенно когда протоколы подписывают раньше событий.

Впервые за разговор Ремезова отвела взгляд. Не испугалась и не растерялась — просто посмотрела на лежавшую перед ней синюю папку, словно проверяла, закрыта ли она.

Илья понял, что давить дальше нельзя. Если следователь сама получила готовые бумаги, прямое обвинение заставит её защищать не дело, а собственную должность. Если участвовала сознательно, предупреждение она уже услышала.

Он составил письменное ходатайство о сохранении записей камер: вход отдела с 00:30 до 04:00, коридор охраны порта, въезды и выезды грузового участка номер четыре. Отдельно потребовал приобщить данные дежурной части о времени доставки Белова и провести осмотр его одежды до любых чисток и перемещений пятен. Ремезова поставила входящий номер на копии. Печать легла неровно, но цифры читались.

— Суд по мере пресечения завтра, — сказала она. — Материалы получите сегодня после обеда.

— У вас есть сутки, чтобы собрать обоснование ареста.

— У нас есть тело, признание и кровь.

— Признание, которого больше нет.

— Оно записано.

— Вот это меня и беспокоит.

На первом этаже дежурный всё-таки показал журнал, но не выпустил его из рук. В строке напротив фамилии Белова стояло время 02:47. Запись была сделана синей ручкой, соседние — чёрной. Илья попросил копию. Дежурный сказал, что без разрешения начальника нельзя. Тогда Илья вслух прочитал строку, записал её в блокнот и попросил дежурного подтвердить точность. Тот закрыл журнал.

— Я ничего не подтверждаю. Обращайтесь к следователю.

— Камера над турникетом работает?

— Работает.

— Архив сколько хранится?

— Не знаю.

— Кто знает?

— Начальник.

В 6:42 Илья вышел на улицу. Небо над портом стало светло-серым. Сквозь снег гудели краны, на дальнем причале двигались жёлтые огни. Чёрная машина Мельника оставалась у бокового входа.

Илья сел в свой старый универсал, включил печку и разложил документы на пассажирском сиденье. По официальной версии, Белова задержали в 01:35 и оформили в 02:10. По журналу он вошёл в отдел в 02:47. По его словам, подпись появилась ещё в порту, когда полиция не приехала. Три времени не складывались в одну ночь.

Он позвонил знакомому судебному фотографу, который иногда помогал защите осматривать места до того, как их вымоет погода. Тот не ответил. Тогда Илья отправил короткое сообщение: «Нужен сегодня. Порт, участок 4. Камеры и часы. Срочно».

Второй звонок он сделал в диспетчерскую порта. Представился адвокатом, назвал номер удостоверения и попросил соединить с начальником смены охраны. Женщина на линии сказала, что смена уже меняется и начальник занят происшествием.

— Мне нужен охранник Костин, который дежурил ночью.

На том конце возникла пауза.

— Костина сегодня не было.

— Антон Белов видел его в комнате охраны.

— Не могу знать, кого видел Антон Белов. По графику Костин на больничном.

— С какого дня?

— Это личные сведения.

Связь оборвалась.

Илья записал время звонка. Потом нашёл в копии постановления служебный номер порта и адрес склада. Внизу страницы стояла фамилия человека, сообщившего об убийстве: начальник безопасности Павел Фомин. Не Белов, хотя следователь сказала, что он первым сообщил об обнаружении тела.

Телефон завибрировал. Пришло сообщение с незнакомого номера: «Не ищите Костина. Он уехал».

Илья перечитал его дважды. Ответ писать не стал. Снял экран на второй телефон, сохранил номер в блокноте и только затем убрал аппарат в карман.

У ворот отдела дворник сметал снег с дорожки. За сорок минут следы чёрной машины почти исчезли. Илья посмотрел на окна второго этажа. В кабинете Ремезовой горел свет, рядом в тёмном стекле двигался высокий силуэт.

У него оставалось девять дней до того момента, когда готовое обвинение станет для города привычной правдой. Но первый изъян уже был виден. Кто-то заставил Антона Белова подписать свою вину до задержания — возможно, до того, как решил, каким именно будет преступление.

Глава 2. Ячейка восемнадцать

К восьми утра снег над портом поредел, но ветер стал злее. Он гнал по асфальту белую крупу и забивал ею колеи грузовиков. Илья остановил универсал у проходной грузового участка номер четыре и ещё раз проверил телефон. Судебный фотограф не ответил. Зато пришло сообщение от Ремезовой: «Осмотр места окончен. Доступ посторонних запрещён. Материалы после обеда».

Слово «посторонних» Илья прочёл дважды. Защитник подозреваемого не был посторонним, но спорить об этом с экраном не имело смысла.

Проходная стояла между двумя рядами бетонных блоков. За стеклом сидела женщина в вязаной жилетке и листала журнал. На стене над ней висел календарь фонда «Берег»: летний причал, улыбающиеся дети в спасательных жилетах, подпись Аркадия Мельника. Рядом под прозрачной крышкой находился телефон внутренней связи.

— Северцев, адвокат Белова, — сказал Илья, приложив удостоверение к стеклу. — Мне нужен начальник смены и возможность пройти к складу.

Женщина не взяла удостоверение.

— Следственные действия идут.

— Уже закончены.

— Значит, всё закрыто.

— Кто вам это сказал?

Она подняла глаза на камеру в углу, а не на Илью.

— Начальство.

— Фомин?

Пальцы женщины перестали перелистывать журнал.

— Я фамилий не называла.

— Тогда вызовите того, кто запретил вход. Я подожду здесь.

За спиной Ильи хлопнула наружная дверь. В проходную вошли двое рабочих в одинаковых синих куртках. Первый приложил карточку к считывателю, второй проскользнул следом, пока створка не закрылась. Женщина ничего не сказала. Илья посмотрел на журнал: возле восьми часов стояли четыре фамилии, хотя через турникет только что прошли двое.

— Вход по карточкам записывается? — спросил он.

— Конечно.

— И выход тоже?

— Конечно.

— Тогда зачем журнал?

— Если карточка не сработала.

— У второго сработала?

Женщина захлопнула книгу.

— Вы сюда вопросы задавать пришли?

— Именно.

Внутренний телефон зазвонил раньше, чем она успела снять трубку. Она выслушала несколько слов, кивнула и сказала Илье:

— Сейчас выйдут.

Через минуту со стороны территории появился Павел Фомин. Илья узнал его по описанию Антона ещё до того, как охранница произнесла имя. Высокий, коротко стриженный, в чёрной куртке без знаков порта. Он двигался без спешки человека, которому не нужно показывать пропуск. На правой кисти белела полоска пластыря.

— Илья Андреевич, — сказал Фомин, будто они уже встречались. — Вы рано.

— Вы ещё раньше. Ночь здесь провели?

— Происшествие. Работа такая.

— Тогда покажите место, где держали моего подзащитного.

Фомин улыбнулся одними губами.

— Никто его не держал. Белов ожидал полицию добровольно.

— С закрытой дверью?

— Спросите у него.

— Уже спросил. Теперь спрашиваю у вас.

Охранница сделала вид, что ищет что-то под столом. Рабочие давно ушли, но дверь за турникетом ещё покачивалась.

— Следователь запретила доступ на участок, — сказал Фомин. — Если у вас есть постановление или ходатайство, направляйте ей.

— Следователь запретила доступ к складу. Комната охраны не относится к месту убийства.

— Сегодня весь участок относится.

Илья достал телефон и включил запись.

— Повторите, пожалуйста, вашу должность и основание, по которому вы не допускаете защитника к помещению, где до задержания находился Белов.

Улыбка исчезла.

— Запись без согласия некрасиво выглядит.

— Красиво будет в протоколе. Основание?

Фомин посмотрел на женщину за стеклом. Та отвернулась к окну.

— Подождите на улице, — сказал он. — Я уточню.

— Подожду здесь. Камера исправна, тепло и журнал рядом.

Пластырь на его руке был свежим; по краю проступала розовая точка. Илья отметил это, не придавая пока значения. В порту легко порезаться о металл, бумагу или лёд.

Фомин ушёл в служебный коридор. Через стекло Илья видел, как тот достал телефон ещё до первой двери. Охранница открыла журнал снова, но теперь держала ладонь поперёк страницы.

— Ваша фамилия? — спросил Илья.

— Не обязана.

На столе перед ней лежала табличка «Дежурная Е. В. Гущина».

— Елена Викторовна, ночью вы работали?

Она накрыла табличку локтем.

— С семи.

— Кто вас сменил?

— Не знаю, что вам наговорил Белов, но он всегда был странный. Молчал, записывал всё. С такими потом хуже всего.

— Что именно записывал?

Гущина поняла, что сказала лишнее.

— Накладные. Он кладовщик.

— Имена тех, кто входил без карточек?

— Я этого не говорила.

Дверь распахнулась. Фомин вернулся вместе с молодым мужчиной в каске и светоотражающем жилете. Тот представился инженером по безопасности Виктором Лебедевым и протянул Илье лист.

— Распоряжение об ограничении доступа из-за повреждения креплений стеллажей, — сказал он. — Опасная зона.

Лист был напечатан сегодняшним числом. Время не указывалось. Подпись начальника участка стояла синей ручкой, печати не было.

— Когда обнаружили повреждение?

— При ночном осмотре.

— До убийства или после?

Лебедев посмотрел на Фомина.

— В ходе осмотра.

— Кто осматривал крепления?

— Комиссия.

— Фамилии комиссии?

— Будут в акте.

— Акт уже составлен?

— Составляется.

Илья сфотографировал распоряжение. Лебедев дёрнул лист к себе, но опоздал.

— Я не разрешал снимать.

— Вы сами предъявили документ как основание ограничения моих прав. Теперь он существует не только в ваших руках.

Фомин чуть наклонился к Илье.

— Вам хочется громкого дела, понимаю. Только склад — не зал суда. Здесь железо по две тонны. Упадёт — удостоверение не поможет.

— Это предупреждение инженера или угроза начальника безопасности?

— Забота.

— Фонд тоже заботится о Ларисе Беловой?

Фомин не моргнул, но Лебедев повернул голову слишком быстро.

— Не знаю такой, — сказал Фомин.

— Бухгалтер фонда. Сестра человека, которого вы добровольно заперли до приезда полиции.

— Никого не запирали.

— Тогда покажите комнату.

В проходную вошла Ремезова. На её сером пальто таял снег, в руке была папка для бумаг. Она остановилась у турникета и оглядела всех четверых.

— Я просила вас не приезжать, Илья Андреевич.

— Вы сообщили, что осмотр окончен. Я приехал проверить обстоятельства задержания.

— Письменно.

— Письменно комната не пахнет свежей краской и часы не показывают время.

Гущина снова подняла глаза к камере.

Ремезова протянула руку:

— Распоряжение.

Лебедев отдал лист. Она прочла его, задержалась на подписи и спросила:

— Почему я вижу это впервые?

— Ночью обнаружили, — ответил инженер.

— Я была здесь ночью.

— Не успели оформить.

— А сейчас успели.

В её голосе не было раздражения, только сухая усталость. Она вернула бумагу и повернулась к Илье.

— Пройдёте со мной. Ничего не трогаете. Фотографируете после согласования. Если инженер говорит отойти, отходите.

Фомин шагнул к ней.

— Ольга Павловна, объект ещё не передан.

— Именно поэтому я его не передаю. Лебедев идёт с нами.

— Я тоже.

— Нет. Вы будете допрошены отдельно.

На этот раз Фомин не улыбнулся. Он снял с пояса связку ключей и передал инженеру. Ключей было много, но Илья заметил два одинаковых синих пластмассовых ярлыка с цифрой восемнадцать. Они висели на разных кольцах.

— Подождите, — сказал он. — Покажите связку ближе.

Фомин сжал пальцы Лебедева вокруг ключей.

— Не ваше имущество.

Ремезова посмотрела на связку.

— Дайте.

Фомин подчинился. Следователь положила ключи на стойку проходной, достала из папки прозрачный пакет и сфотографировала их служебным телефоном.

— Почему два ярлыка «18»?

— Один от наружной двери склада, другой от ячейки, — сказал Фомин.

— Они одинаковые?

— Ярлыки закончились. Подписали как удобнее.

— Какой ключ от чего?

Фомин указал не сразу. Первый был длинный, с прямоугольной бородкой, второй короче и темнее.

— Этот наружный. Этот внутренний.

Ремезова записала ответ. Илья видел, как Гущина за стеклом перестала дышать. Её взгляд был прикован не к ключам, а к короткому тёмному ключу.

— Елена Викторовна, — обратился он к ней, — вы хотели что-то добавить?

— Нет.

— Выдача ключей фиксируется у вас?

— В другом журнале.

— Где он?

Она посмотрела на Фомина.

— На месте должен быть.

Ремезова убрала связку в пакет, запечатала клапан и расписалась поперёк полосы.

— Теперь пойдём.

За проходной начиналась широкая дорога между складами. Слева тянулись штабеля контейнеров, справа стояли крытые ангары. Ветер приносил запах мазута, мокрой древесины и моря. По рельсам медленно двигался козловой кран. Его сирена звучала через равные промежутки, и каждый раз Лебедев оглядывался, будто проверял, не упало ли что-нибудь за спиной.

Участок номер четыре находился у старой железнодорожной ветки. Главные ворота склада были опечатаны лентой, но Ремезова повела их вдоль стены. Снег здесь лежал тоньше: крыша защищала полосу асфальта шириной в два шага. Возле угла виднелась металлическая дверь без номера.

— Это второй вход? — спросил Илья.

— Аварийный выход, — ответил Лебедев.

— Снаружи открывается?

— Не должен.

На двери была обычная замочная скважина.

Ремезова наклонилась, не касаясь металла. На серой краске возле личинки блестела свежая царапина. Чуть ниже застрял короткий синий волосок — не человеческий, а синтетическая нить от ткани.

— Ночью это фотографировали? — спросил Илья.

Следователь ничего не ответила. Она достала перчатки и позвонила криминалисту.

Лебедев переминался с ноги на ногу.

— Дверь проверяли изнутри. Она была закрыта.

— На ключ? — спросил Илья.

— На защёлку.

— Если защёлка закрыта, зачем снаружи скважина?

— Старый замок.

— Рабочий?

— Не знаю.

— Инженер по безопасности не знает, можно ли открыть аварийную дверь с улицы?

— У нас двести дверей.

Ремезова подняла ладонь, прекращая спор. По телефону она назвала адрес и попросила привезти набор для следов, отдельный пакет для волокна и масштабную линейку. Затем обошла дверь, разглядывая снег.

В пяти метрах от стены проходила колея погрузчика. Между ней и дверью белела ровная полоса, но под водосточной трубой снег был смят. Илья присел. В углублении проступал край следа обуви, остальная часть скрылась под осыпавшимся снегом. Рядом лежала чёрная крошка размером с ноготь.

— Резина? — спросил он.

— Не трогайте, — сказала Ремезова.

— Я не трогаю.

Лебедев наклонился, но следователь оттеснила его локтем.

— Все назад. По своим следам.

Они отступили к углу склада. Ремезова сфотографировала общий вид. Илья сделал то же самое со своей точки: дверь, труба, колея, расстояние до дороги. На снимке было видно, что человек мог подойти вдоль стены, не попадая в поле камеры над главными воротами.

— Камера смотрит сюда? — спросил он.

Лебедев показал на чёрный короб под крышей.

— В секторе должен быть угол.

— Должен быть или есть?

— Посмотрим запись.

— Она изъята?

Ремезова ответила вместо него:

— Регистратор забрали ночью.

— Целиком?

— Диск.

— Кто снял?

— Сотрудник порта при понятых.

— Фомин?

— Другой сотрудник.

— Фамилия?

— Будет в протоколе.

Она произнесла эту фразу так же, как утром, но теперь в ней слышалась не уверенность, а досада.

Криминалист приехал через двадцать минут. Всё это время они стояли у угла, не приближаясь к двери. Фомин наблюдал издалека, возле проходной между складами. Он разговаривал по телефону и временами поворачивался к ним спиной.

Криминалистом оказался худой пожилой мужчина по фамилии Савин. Он поставил жёлтые метки, снял волокно пинцетом, упаковал резиновую крошку и сделал слепок сохранившейся части следа. Потом обработал ручку и металл возле замка порошком. На внутреннем изгибе ручки проявился кусок отпечатка, слишком короткий для немедленного сравнения, но достаточно чёткий, чтобы сохранить.

— Дверь открываем? — спросила Ремезова.

Савин кивнул.

Лебедев сказал, что ключа у него нет.

— На связке два восемнадцатых, — напомнил Илья.

Ремезова велела принести пакет. Фомин пришёл сам. Он шёл быстро, уже без телефона, и остановился у меток.

— Следователь просила ключи, а не вас, — сказала она.

— Хочу понять, что нашли на моём объекте.

— Потом поймёте.

Она вскрыла пакет, отметила время и вынула длинный ключ. Тот вошёл в скважину, но не повернулся. Короткий тёмный ключ подошёл сразу. Замок щёлкнул. Дверь приоткрылась наружу на несколько сантиметров и упёрлась в цепочку, закреплённую изнутри.

Лебедев облегчённо выдохнул.

— Говорил же, закрыта.

Савин посветил фонарём в щель. Цепочка висела не на штатном крючке. Её последний овальный элемент был продет через тонкую проволоку, обёрнутую вокруг внутренней ручки. Проволока тянулась вниз, к самому порогу.

— Не двигать, — сказал криминалист.

Он лёг на расстеленный пакет, подсветил нижнюю щель и достал зеркало на длинной ручке. Потом попросил Ремезову открыть дверь ещё на полсантиметра.

— Проволока выходит наружу, — сказал он. — Конец обломан у края.

Илья посмотрел на чёрную крошку в отдельном пакете. Не резина. На ней блеснул тонкий металлический ус.

— Изоляция, — сказал Савин. — Провод в чёрной оболочке.

Смысл был прост: дверь заперли снаружи ключом, а цепочку натянули через щель, чтобы она выглядела закрытой изнутри. Человек, уходивший через второй вход, хотел оставить после себя невозможный выход.

Фомин первым нарушил молчание.

— Так рабочие иногда фиксируют дверь от ветра.

— Снаружи? — спросил Илья.

— Я не обязан знать каждую глупость рабочих.

— Но обязаны знать, почему ключ от этой двери висит на вашем кольце под номером ячейки, возле которой нашли тело.

— Я уже объяснил маркировку.

— Вы объяснили, что короткий ключ внутренний. Он только что открыл наружную дверь.

Фомин посмотрел на Ремезову.

— Я перепутал. Ночь без сна.

Следователь записала его слова дословно. Потом велела Савину разобрать крепление цепочки, сохранить проволоку и осмотреть проход изнутри.

Они вошли через главные ворота после того, как Лебедев снял одну из лент. Внутри было холоднее, чем на улице, и тише. Между стеллажами горели редкие лампы. Ячейки были обозначены большими белыми цифрами на синих щитках. Восемнадцатая находилась в дальнем ряду, в двадцати шагах от аварийной двери.

Место, где лежал Самойлов, обвели мелом. Рядом темнели следы порошка, метки и небольшое бурое пятно. Металлическую рукоять уже изъяли. Илья не подходил ближе ленты. Он смотрел на расстояния: от главного прохода тело было видно сразу, от второй двери его закрывал торец стеллажа. Человек мог войти, сделать несколько шагов и остаться невидимым для камеры у ворот.

— Где нашли реестр? — спросил он.

Ремезова перелистнула записи.

— На столе мастера, у главного входа.

— Тот, который Белов якобы искал?

— Он называет его журналом приёмки. Изъято несколько документов.

— Фомин сказал ему искать документ у стеллажей. Документ оказался у главного входа. Тело — у второго.

— Это ваша версия со слов подзащитного.

— А провод в двери — уже не его слова.

Ремезова посмотрела на аварийный выход. Савин работал там на коленях, снимая проволоку с ручки. Фомин стоял в стороне, но близко, словно имел право контролировать даже чужой пинцет.

Под нижней полкой ячейки восемнадцать Илья заметил узкую светлую полосу. Пол вокруг был покрыт серой пылью, а там будто недавно сдвинули коробку.

— Что хранилось внизу? — спросил он.

Лебедев сверился с планшетом.

— Гуманитарная партия фонда. Медицинские расходники.

— Сейчас пусто.

— Изъяли ночью.

— Следствие?

Ремезова нахмурилась.

— Мы отсюда груз не вывозили.

Лебедев провёл пальцем по экрану.

— Значит, переместили до опечатывания. Плановая отгрузка.

— В какое время?

— Надо смотреть систему.

— Посмотрите сейчас, — сказала Ремезова.

Он несколько раз нажал на экран.

— Нет сети.

— У проходной была.

— В складе глушит металл.

— Тогда пойдём к проходной вместе.

Фомин вмешался:

— Ольга Павловна, это хозяйственная деятельность. К убийству не относится.

— Возле пустого места лежит убитый аудитор вашего фонда. Пока относится всё.

Он посмотрел на неё так, как смотрят на сотрудника, который забыл, кто оплачивает обед. Ремезова выдержала взгляд.

На обратном пути Илья задержался возле аварийной двери. Изнутри над ней висела маленькая камера, направленная не на проход, а на полосу между ячейками семнадцать и восемнадцать.

— Эта запись тоже на изъятом диске? — спросил он.

Лебедев ответил не сразу.

— Камера не подключена. Муляж.

— Откуда знаете?

— Я отвечаю за безопасность.

Илья поднял телефон и увеличил изображение. От корпуса камеры шёл кабель, уходивший в металлический короб. На винте крышки блестела свежая царапина.

— У муляжа есть провод.

— Старый остался.

— А короб открывали этой ночью?

— Не знаю.

— Вы удивительно мало знаете для человека, который запрещает вход из-за безопасности.

Ремезова потребовала лестницу. Пока её несли, Савин закончил с дверью и подошёл к камере. Крышка короба была закрыта, но один винт держался на двух витках. Внутри находился обрезанный кабель. Срез был чистым, медь ещё не потемнела.

— Когда отключили? — спросила следователь.

— Давно, — сказал Фомин.

Савин покачал головой.

— Не скажу точно без исследования. Но не похоже, что давно.

Илья сфотографировал короб после разрешения. В одном кадре уместились камера, номер восемнадцать и пустая нижняя полка.

У проходной сеть на планшете Лебедева появилась сразу. Он открыл учёт склада. По системе партия медицинских расходников числилась на месте. Последнего перемещения не было.

— Ошибка синхронизации, — сказал инженер.

— А бумажный лист движения где? — спросила Ремезова.

Гущина ответила из-за стекла:

— У кладовщика.

— Кладовщик задержан.

— Тогда в комнате мастера.

— Там его не нашли.

Фомин потёр пластырь на кисти.

— Самойлов мог забрать. Он проверял отгрузки.

— И за это его убил Белов? — спросил Илья. — Вы уже решили мотив?

— Я предполагаю.

— Удобное предположение: убитый унёс единственный лист, обвиняемый украл груз, а начальник безопасности случайно перепутал ключи.

Ремезова закрыла планшет ладонью.

— Достаточно. Виктор Сергеевич, устройство оставляете мне. Елена Викторовна, выдаёте журнал ключей и список всех входов по карточкам с двадцати двух часов до четырёх утра. Павел Николаевич, едете в отдел на допрос. Не в своей машине.

— Я свидетель, не задержанный.

— Поэтому прошу проехать. Если предпочитаете повестку, вручим сейчас и укажем время через час.

Фомин посмотрел на Илью, потом на запечатанный пакет с проводом.

— Аркадий Петрович должен знать, что вы остановили работу фонда.

— Сообщите ему после допроса, — сказала Ремезова.

Гущина вынесла из нижнего ящика тонкий журнал в зелёной обложке. На корешке было написано «Ключи. Участок 4». Она держала его двумя руками и не отдавала, пока Ремезова не показала пакет.

Илья успел увидеть раскрытую страницу. В строке «18» стояли две записи. Первая: выдача Фомину в 22:15, возврат в 00:55. Вторая была вписана между строк более тёмными

чернилами: выдача Лебедеву в 23:40, возврат в 23:50. Бумага возле второй записи чуть морщилась, словно на неё недавно нанесли клей.

— Почему ключ восемнадцать выдавали дважды, если он всё время был на кольце Фомина? — спросил Илья.

Гущина побледнела.

— Я не выдавала дважды.

Тишина в проходной стала плотной. Даже турникет перестал пищать.

— Чья вторая запись? — спросила Ремезова.

— Не моя.

Лебедев отступил на полшага.

— Я ключ не брал.

— Здесь ваша подпись.

— Похожа. Но не моя.

Фомин ничего не сказал. Его взгляд остановился на журнале, и впервые с появления в проходной он выглядел не хозяином положения, а человеком, который увидел незнакомую ошибку в хорошо знакомом плане.

Ремезова запечатала журнал целиком.

— Все трое едут в отдел отдельно. Общаться между собой до допроса не будете.

— Вы не можете запретить свидетелям разговаривать, — сказал Фомин.

— Не могу. Но могу записать, кто первым откажется помочь расследованию убийства своего аудитора.

Он медленно убрал телефон во внутренний карман.

Илья вышел на улицу вместе со следователем. Снег почти закончился. Над контейнерами появилась полоска бледного неба, и порт сразу стал выглядеть меньше, будто его огромное железо держалось не на кранах, а на нескольких бумажных строках.

— Вы знали про вторую дверь? — спросил он.

Ремезова застегнула пальто.

— На схеме она была отмечена аварийным выходом. Группа проверила изнутри, увидела цепочку и решила, что дверь не использовалась.

— Кто решил?

— Я подписала протокол. Значит, я.

— А кто водил группу?

Она посмотрела туда, где Фомин садился в служебную машину.

— Он показал входы и отключённые камеры.

— Удобный проводник.

— Не начинайте. Ошибку я уже увидела.

— Это не ошибка, если вам показали только то, что хотели показать.

— Для суда пока есть кровь на одежде Белова, его подписи и свидетели признания. Провод в двери не доказывает, кто вошёл.

— Зато доказывает, что кто-то вышел способом, которого нет в вашей версии.

Ремезова стряхнула снег с папки.

— После обеда получите копии материалов для меры пресечения. Не раньше.

— И копию протокола сегодняшнего осмотра.

— Когда составим.

— Запись камеры над ячейкой не потеряйте второй раз.

— Кабель обрезан.

— Значит, найдите, куда он вёл до того, как его обрезали.

Она пошла к машине, но остановилась.

— Сообщение про Костина покажете?

Илья не удивился. Значит, его утренний звонок в диспетчерскую уже пересказали следователю или Фомину.

— На официальном осмотре телефона, с копией протокола.

— Вы всё превращаете в бумагу.

— Потому что здесь бумага появляется раньше событий.

Ремезова села в машину и закрыла дверь.

Илья вернулся к универсалу. На лобовом стекле лежал тонкий слой снега. Под дворником торчал сложенный вчетверо листок. Он надел перчатку, развернул бумагу и увидел распечатанную фотографию: мужчина в старой форменной куртке выходил из боковой двери склада. Седые волосы, тяжёлая походка, лицо повернуто к камере. Внизу стояло время — 00:18.

На обороте от руки было написано: «Костин не уехал. Ищите, кто выпустил его через больницу».

Илья оглянулся. Между контейнерами двигались рабочие, у проходной заводилась служебная машина, кран над причалом снова подал сигнал. Никто не смотрел в его сторону.

Он убрал фотографию в чистый файл и записал время находки. Потом открыл сделанные у склада снимки. На одном, снятом ещё до приезда криминалиста, вдалеке стоял Фомин. На другом виднелся короткий ключ в руке Ремезовой. На третьем — пустая полка ячейки восемнадцать и свежий срез кабеля.

У обвинения появился второй вход. У него пока не было имени человека, который им воспользовался, но был ключ, провод и запись в журнале, которую никто не признавал своей.

Илья завёл двигатель. До суда оставалось меньше суток, а до встречи с Ларисой Беловой — один адрес фонда и фотография человека, которого официально не было на смене.

Глава 3. Город на содержании

Фонд «Берег» занимал бывший дом судовладельца на набережной. Светлый фасад отремонтировали, над входом повесили бронзовую табличку, а по обе стороны лестницы поставили ящики с елями. На каждом ящике была маленькая пластина: «Подарок городу от Аркадия Мельника».

Илья припарковался через дорогу. Прежде чем выйти, он позвонил в отдел и зарегистрировал сообщение о найденной фотографии Костина. Дежурный трижды переводил его между кабинетами, потом продиктовал номер. Илья записал цифры на конверте, куда убрал снимок. Сам оригинал он решил передать Ремезовой только под расписку.

На первом этаже фонда было тепло и тихо. Девушка за стойкой выдавала пожилой женщине коробку с тонометром. На стенах висели фотографии: Мельник в детской больнице, Мельник у новой машины скорой помощи, Мельник вручает ключи от квартир, Мельник пожимает руку губернатору. Люди вокруг менялись, его серое пальто оставалось тем же.

— Мне нужна Лариса Белова, — сказал Илья.

Девушка улыбнулась служебной улыбкой.

— По какому вопросу?

— Личному.

— Тогда позвоните ей лично.

— Я адвокат её брата.

Улыбка исчезла. Девушка посмотрела на дверь за стойкой. Там стоял мужчина в медицинской маске и разгружал коробки, но после слов Ильи перестал двигаться.

— Подождите, — сказала она.

Она ушла, не попросив удостоверение. Значит, проверяли не Илью, а то, можно ли пустить к нему Ларису.

На диване у окна сидели трое посетителей. Молодая мать держала папку с результатами обследований; рядом мальчик катал по колену игрушечную машину. Пожилой мужчина прижимал к груди пакет с логотипом фонда. Все слышали разговор, но смотрели в разные стороны.

Через пять минут вышла женщина в тёмно-зелёном платье. Она была похожа на Антона линией рта и тяжёлым взглядом, только лицо казалось старше сорока трёх. На шее под воротником виднелся тонкий белый шрам.

— Илья Северцев? — спросила она.

— Да.

— В переговорную.

Комната находилась сразу за стойкой. Стеклянные стены были оклеены матовой плёнкой до уровня плеч, выше просматривались коридор и двери кабинетов. Лариса села спиной к стеклу и не сняла с шеи пропуск.

— Антон жив? — спросила она.

— Жив. Его собираются заключить под стражу. Суд завтра.

— Он признался.

— Кто вам сказал?

— Все говорят.

— Конкретно кто?

Лариса провела пальцем по краю стола.

— Павел Николаевич звонил ночью. Сказал, Антон ударил Самойлова и во всём сознался.

— В какое время?

— Не помню.

— До двух или после?

Она посмотрела на него внимательнее.

— А какая разница?

— Большая. Официальный протокол составили в две десять. Если Фомин сообщил о признании раньше, бумага снова опередила событие.

Лариса опустила глаза. На её левой руке было два следа от недавних уколов.

— Вы пришли ловить меня на времени?

— Я пришёл понять, почему ваш брат подписал ложь.

— Откуда вы знаете, что ложь?

— Потому что подпись появилась до задержания, а описание удара ему подсказали. У склада был второй выход. Его замаскировали под закрытый изнутри.

Лариса резко встала.

— Уходите.

— Сядьте. Я не прошу вас верить мне. Только позвоните в отдел и спросите Антона, нужен ли ему адвокат.

— Я не могу ему звонить.

— Можете. Следователь обязана дать уведомить близкого.

— Вы не поняли. Я не могу звонить отсюда.

Она произнесла последнюю фразу почти беззвучно. За матовым стеклом прошла тень. Лариса дождалась, пока шаги удалятся, и снова села.

— У вас есть свой телефон? — спросил Илья.

— Был. Утром разбила.

— Случайно?

— Уронила в раковину.

— Сим-карта?

— Там же.

Она отвечала слишком аккуратно. Илья не стал спорить.

— Фонд оплачивает вам лекарства?

Лариса коснулась шрама на шее.

— Не мне одной. В Ладожске тридцать два пациента получают препарат через «Берег». Государственная закупка задерживается по полгода. Если фонд не заплатит, люди пропустят курс.

— Кто принимает решение об оплате?

— Медицинская комиссия.

— И Мельник.

— Он подписывает бюджет.

— Фомин напоминал вам об этом ночью?

Лариса сжала губы.

— Он спросил, получила ли я следующую упаковку. Это не угроза.

— А вы услышали как угрозу.

— Я услышала вопрос.

За стеклом снова остановилась тень. На этот раз дверь открылась. В переговорную вошёл мужчина лет пятидесяти в светлом костюме, несмотря на зиму. Он представился директором фонда Сергеем Николаевичем Юдиным.

— Лариса, через десять минут совещание по больничной поставке, — сказал он. — Аркадий Петрович подключится лично.

— Я помню.

Юдин повернулся к Илье.

— Мы можем вам помочь?

— Уже помогаете. Предоставляете помещение для разговора.

— Это рабочая переговорная. Личные встречи сотрудников проходят вне офиса.

— Тогда мы закончим на улице.

Лариса побледнела.

— Мне нельзя уходить. Отчёт не сдан.

— Видите, — сказал Юдин. — У человека работа.

— И брат под угрозой ареста.

— Фонд не вмешивается в уголовные дела.

На стене за его спиной висела фотография Мельника с начальником районного отдела.

— Разумная политика, — сказал Илья. — Передайте её Павлу Фомину. Он сообщил Ларисе о признании Антона раньше следствия.

Юдин перевёл взгляд на неё. Всего на секунду, но этого хватило: он не удивился звонку, его удивило, что Лариса рассказала.

— Не знаю, о чём вы, — сказал он. — Пять минут, Лариса.

Когда дверь закрылась, она заговорила быстро:

— Вам нельзя было это говорить.

— Почему?

— Потому что теперь они решат, что я передаю вам документы.

— Передаёте?

— Нет.

Ответ прозвучал раньше вопроса. Илья положил ладони на стол, чтобы не испугать её движением к папке.

— Самойлов проверял фонд?

— Он был внешним аудитором группы.

— Что нашёл?

— Не знаю.

— Из ячейки восемнадцать исчезла партия медицинских расходников. В системе она осталась на месте.

Лариса закрыла глаза.

— Тогда не ищите коробки.

— Почему?

Она посмотрела поверх его плеча на стекло.

— Потому что коробки ничего не докажут.

— А что докажет?

— Мне пора.

— Лариса, Антон признался, потому что боялся за вас. Если вы промолчите из-за него, получится замкнутый круг. Каждый защищает другого и оба делают то, что нужно Фомину.

— Вы думаете, дело только во мне?

Она кивнула в сторону приёмной.

— Видели мальчика с машинкой? Фонд оплатил ему операцию. Женщина с тонометром живёт в доме, где котельную держат на деньги Мельника. Водитель, который привёз вас сюда по очищенной дороге, заправляется на его базе. У нас город не на содержании бюджета. У нас город на содержании одного человека. Если вы ударите по нему, вам скажут, что вы лишили детей операций.

— Это говорит Мельник?

— Это говорят люди, которым больше не к кому идти.

— Самойлов тоже так думал?

— Сначала.

Илья выдержал паузу.

— А потом?

Лариса поднялась.

— Потом он стал считать не деньги, а груз.

Дверь открылась снова. Юдин не вошёл, только посмотрел на часы.

— Совещание, — сказал он.

Лариса вышла. У порога она обернулась к Илье:

— Не звоните мне. И не приезжайте домой.

— Где тогда встретимся?

— Нигде.

Юдин проводил её взглядом, затем остался в дверях.

— Вы получили ответ?

— Получил несколько.

— Надеюсь, понимаете: фонд помогает городу, а не управляет им.

— Тогда почему ваш бухгалтер боится выйти на улицу без разрешения?

— Она перенесла тяжёлую операцию. Мы бережём сотрудников.

— Особенно от разговоров.

Юдин улыбнулся.

— Илья Андреевич, у нас маленький город. В нём репутация кормит дольше денег. Не советую строить защиту убийцы на обвинениях против благотворителей.

— Суд ещё не назвал Белова убийцей.

— Конечно. Я выразился бытовым языком.

— Бытовой язык обычно честнее служебного.

В приёмной мальчик всё ещё катал машину по колену. Его мать подписывала согласие на обработку данных. У стойки появился мужчина с камерой; он снимал выдачу оборудования для сайта фонда. Как только Илья вышел из переговорной, объектив повернулся к нему.

— Не снимайте меня, — сказал Илья.

— Общий план, — ответил оператор.

— Тогда общий план без моего лица.

Девушка за стойкой передала пожилому мужчине пакет. Тот поблагодарил Мельника так, будто основатель фонда стоял рядом.

На улице Илья увидел у своей машины женщину в белом медицинском пуховике. Она курила, прикрывая сигарету ладонью. На пропуске был логотип городской больницы.

— Вы адвокат Белова? — спросила она, не здороваясь.

— Да.

— Я вас не видела.

— Хорошее начало разговора.

— Костина ночью привезли в приёмный покой. Не по скорой. На фургоне фонда.

Илья не достал блокнот.

— В какое время?

— После часа. Он был в сознании, но его записали как неизвестного. Потом приехал человек Фомина и забрал карту.

— Кто именно?

Женщина бросила сигарету в снег и растёрла подошвой.

— Я сказала достаточно.

— Костин сейчас в больнице?

— Нет. К утру его увезли через хозяйственный двор.

— Живого?

Она резко посмотрела на него.

— Живого. Не делайте из меня свидетеля убийства.

— Назовите фамилию, я попрошу защиту.

— Защиту от кого? От главврача, которому фонд купил томограф? От полиции, которой Мельник ремонтирует машины? Или от соседей, чьи дети ездят в его летний лагерь?

Её слова почти повторяли Ларисины, но в них не было благодарности — только злость человека, которому стыдно за собственный страх.

— Мне нужна запись приёмного покоя, — сказал Илья.

— Камеры в коридоре есть. Хранят месяц. Если не сломаются сегодня.

— Фургон попал на въезд?

— На хозяйственном дворе две камеры. И ещё городская на перекрёстке.

— Номер машины?

— Последние цифры сорок семь. Белый «Форд», синий логотип волной.

Двери фонда открылись. На крыльцо вышел оператор с камерой. Женщина сразу пошла вдоль набережной.

— Как вас найти? — спросил Илья.

Она не обернулась.

Оператор снял общий план здания, потом навёл камеру на Илью. Тот поднял перед лицом папку, сел в машину и включил регистратор. Белый фургон фонда стоял через квартал, у бокового входа аптеки. Последние цифры номера были не видны.

Илья позвонил Ремезовой.

— У меня сведения, что Костина после часа ночи доставили в городскую больницу на фургоне фонда. Его оформили неизвестным и вывезли через хозяйственный двор. Нужны камеры приёмного покоя, двора и перекрёстка.

— Источник?

— Пока конфиденциальный.

— Тогда пока это слух.

— Фургон белый, «Форд», последние цифры сорок семь. Проверьте парк фонда.

В трубке зашелестели бумаги.

— Где вы?

— Напротив «Берега».

— С Ларисой говорили?

— Да.

— Она подтверждает историю с Костиным?

— Нет. Она сказала, что Самойлов считал груз, а не деньги.

Ремезова помолчала.

— В материалах есть объяснение Фомина. По его словам, Белов убил Самойлова, когда тот обнаружил недостачу медицинской партии.

— Вот и мотив, оформленный заранее. Только нижняя полка пуста, а ключ от второго входа у Фомина.

— Фомин сейчас на допросе.

— И что говорит?

— Тайна следствия.

— Камеры больницы изымите до того, как тайна сотрётся.

— Уже направила группу.

Она отключилась.

Илья не сразу убрал телефон. Ремезова могла не верить ему, но действовала быстрее, чем утром. Это делало её опаснее для тех, кто привык показывать следствию удобные двери.

На лобовое стекло упала первая капля дождя. Температура поднялась, снег на набережной превращался в серую кашу. Если у склада оставались следы, через час их смоет.

Телефон зазвонил снова. Номер был городской.

— Северцев? — спросил мужской голос. — Это коллегия. На вас поступила жалоба.

— Быстро.

— Утверждают, что вы оказываете давление на свидетелей и разглашаете сведения следствия в помещении благотворительного фонда.

— Кто подписал?

— Юдин Сергей Николаевич. Копию пришлём. Объяснение нужно к вечеру.

— Пришлите вместе со временем регистрации.

— Илья, ты во что влез?

— Пока в переговорную.

Он закончил звонок и посмотрел на окна второго этажа. За одним из них стояла Лариса. Между ними было две полосы дороги и стекло, но Илья видел, как она прижала руку к груди, будто проверяла ритм сердца. Рядом появился Юдин. Лариса сразу отошла.

Через несколько минут из ворот фонда выехал белый фургон с синей волной. Илья включил камеру телефона и снял номер: последние цифры сорок семь. Машина повернула не к больнице, а в сторону порта.

Он позвонил Ремезовой ещё раз.

— Фургон сорок семь только что выехал от фонда. Идёт к портовой дороге.

— Не преследуйте его.

— Я сообщил направление.

— Илья Андреевич, не преследуйте. Группа уже едет.

Фургон остановился на красный свет. Илья мог пристроиться за ним, но остался у обочины. После утренней угрозы Фомина любая погоня дала бы им удобную аварию или жалобу о вмешательстве. Он отправил Ремезовой видео и сохранил копию.

На электронную почту пришёл файл из коллегии. Жалоба была составлена в 09:14 — за одиннадцать минут до того, как Юдин вошёл в переговорную и услышал от Ильи первые слова о Фомине. В тексте уже утверждалось, что адвокат «угрожал распространением заведомо ложных сведений о деятельности фонда» и «пытался склонить сотрудника Л. Белову к передаче финансовых документов».

Снова бумага раньше события.

Илья переслал жалобу себе на второй адрес, распечатал время на карманном принтере и вложил лист в папку. Потом набрал номер коллегии.

— Добавьте к объяснению: прошу сохранить служебные данные о времени получения файла и исходное письмо отправителя. Жалоба описывает разговор, которого в момент её составления ещё не было.

— Уверен?

— У меня запись входа в здание и время разговора.

— Тогда изложи спокойно. Без обвинений.

— Только времена.

Он положил трубку. В зеркале заднего вида оператор фонда всё ещё снимал крыльцо, но объектив был направлен на машину Ильи.

От Ларисы пришло сообщение с незнакомого номера: «Не верьте реестру фонда. Их два». Через секунду сообщение исчезло из окна, словно отправитель удалил его для всех, но Илья успел сделать снимок экрана.

Он не ответил. Два реестра объясняли, почему Самойлов перестал считать деньги и начал считать коробки. Один мог показывать помощь городу. Второй — то, что действительно проходило через ячейку восемнадцать.

Илья завёл машину и направился к суду за материалами на арест. Теперь он знал цену молчания свидетелей: не конверт и не прямая угроза, а детское лечение, чужая операция,

работа мужа, тепло в доме. Мельник не покупал каждого человека отдельно. Он сделал так, чтобы весь город боялся потерять одного благотворителя.

Но бумага снова появилась раньше события. И на этот раз она была направлена не против Антона, а против его защитника.

Глава 4. Сестра бухгалтера

К зданию суда Илья подъехал за двадцать минут до заседания. Дождь успел превратить ступени в серые ледяные полосы, и пристав у входа посыпал их солью из пластикового ведра. Люди шли мелкими шагами, держась за перила. Илья поставил машину на соседней улице, проверил, что папка с жалобой Юдина и снимком Костина лежит в портфеле, и только тогда заметил под дворником сложенный вчетверо лист.

После фотографии у склада он не стал брать бумагу голой рукой. Достал из аптечки прозрачный пакет, надел тонкие перчатки и приподнял дворник. Лист оказался обычной распечаткой. На наружной стороне — ни подписи, ни обращения, только проведённая синим карандашом цифра один.

Илья оглядел улицу. Через дорогу работал газетный киоск. У служебного входа суда курили двое водителей. Камера над аркой смотрела на тротуар, но место, где стояла его машина, закрывала ветка липы. Тот, кто положил лист, либо хорошо знал улицу, либо просто выбрал удобную минуту.

Внутри была таблица на три страницы. Вверху стояло: «Реестр целевой помощи за четвёртый квартал». Ни печати, ни подписи. Тридцать две строки с фамилиями пациентов, названиями препаратов, датами назначения, номерами счетов и отметками о выдаче. Фамилия Ларисы Беловой шла под номером семнадцать. Напротив неё значились две упаковки лекарства, выданные пятого и двадцать второго ноября.

Илья вспомнил следы уколов на её руке и слова Фомина о следующей упаковке. Документ мог быть тем самым первым реестром. Мог быть ловушкой, которую потом назовут украденной врачебной тайной. А мог быть подделкой, специально принесённой адвокату, чтобы жалоба Юдина наконец получила фактическое основание.

Он не стал фотографировать страницы. Положил пакет в портфель отдельно от материалов дела и вошёл в суд.

Антона привели из конвойного помещения с опущенными плечами. На скуле у него проступил желтоватый синяк, которого утром не было. Илья успел спросить только:

— Кто ударил?

— Дверь.

— Имя двери?

Антон посмотрел на конвоира и качнул головой.

Заседание началось без задержки. Ремезова просила заключить Белова под стражу на два месяца: тяжкое обвинение, возможность скрыться, давление на свидетелей, отсутствие устойчивых социальных связей. Последняя фраза прозвучала особенно странно рядом с характеристикой из порта, где Антон работал четырнадцать лет, и справкой о квартире, принадлежавшей ему на праве собственности.

Илья не стал спорить со всем сразу. Он показал судье журнал доставленных, несоответствие времени протокола, заявление Белова об отказе от прежних показаний и ходатайства о сохранении камер. О второй двери он говорил осторожно: повторный осмотр ещё не был оформлен в материалах, представленных суду. Ремезова могла подтвердить находку, но не обязана была раскрывать её до приобщения протокола.

— Следствие располагает признательными показаниями, — сказала прокурор.

— Следствие располагает подписью на листе, который мой доверитель подписал до доставления в отдел, — ответил Илья. — Проверить это можно по камерам и журналам. Пока проверка не проведена, ссылаться на такую подпись как на готовую истину опасно.

Судья смотрела не на него, а на Ремезову.

— Обстоятельства фактического задержания проверяются?

— Да, — сказала та.

— Осмотр дополнительного выхода проводился?

Пауза длилась меньше секунды.

— Проводился. Изъяты объекты, требующие исследования.

Прокурор повернула к ней голову. Значит, короткий ключ и проволока ещё не вошли в удобную версию обвинения.

Суд отправил Антона в следственный изолятор на тридцать суток, отказав следствию в двух месяцах. Победой это не было. Но в постановлении судья отдельно указала проверить время фактического задержания, происхождение признания и доступ через аварийный выход. Три строки не выпускали Антона на свободу, зато мешали закрыть вопросы одним словом «признался».

У конвойной двери Антон задержался.

— Лариса приходила? — спросил он.

— Я с ней говорил.

— Она здорова?

— Была на работе.

— Больше не ходите к ней.

— Почему?

— Она не выдержит.

— Чего именно?

Конвоир потянул его за локоть. Антон успел сказать:

— Если найдут список, всех снимут с лекарства.

Дверь закрылась.

Илья остался в коридоре. Антон не спросил, удалось ли найти Костина, не спросил о ключе или камерах. Его интересовал список. Значит, он знал о реестре раньше, чем Илья заговорил с Ларисой, и признание защищало не только сестру.

Ремезова вышла из зала последней. В руках у неё была папка с красной полосой, на рукаве — мокрые пятна.

— Спасибо, что подтвердили второй выход, — сказал Илья.

— Я подтвердила следственное действие.

— Прокурор не обрадовалась.

— Прокурор переживёт. А вот ваш доверитель может не пережить, если продолжит отказываться называть людей, которых якобы боится.

— У него синяк.

— Зафиксируйте через медчасть изолятора. В отделе его не били.

— Камеры больницы получили?

Ремезова посмотрела на часы.

— Группа приехала через двадцать восемь минут после вашего звонка. Записи с хозяйственного двора отсутствуют из-за обновления системы. В приёмном покое камера работала, но архив за ночь оказался повреждён.

— Обновление и повреждение в один день.

— Поэтому я изъяла накопитель, а не написала, что записей нет. Городская камера на перекрёстке принадлежит центру дорожного движения. Запрос ушёл.

— Фургон сорок семь?

— В парке фонда три белых фургона. Сорок семь закреплён за водителем Михаилом Жаровым. По путевому листу ночью машина стояла в гараже.

— А утром поехала к порту.

— Ваше видео получила.

Она собиралась пройти мимо, но Илья спросил:

— Если вам принесут неподписанный реестр фонда, что вы сделаете?

Ремезова остановилась.

— Вам принесли?

— Я спросил о порядке.

— Сначала установлю происхождение. Потом решу, имеет ли он отношение к делу. И отдельно выясню, не нарушил ли тот, кто его передал, права пациентов.

— А если передача нужна, чтобы спасти обвиняемого?

— Закон не выдаёт адвокату разрешение таскать чужие диагнозы в портфеле.

— Диагнозов там нет. Фамилии, лекарства, счета и отметки о выдаче.

Теперь она смотрела прямо на портфель.

— Значит, вам принесли.

— Подложили под дворник возле суда. Я не знаю кем и когда.

— Покажите.

— После осмотра места и записи с камеры. И под протокол добровольной выдачи с точным описанием, откуда получен документ. Не как бумагу, найденную при обыске у защитника.

— Вы слишком любите заранее спорить с тем, чего ещё не случилось.

— В этом деле всё важное случается на бумаге заранее.

Ремезова позвонила оперативнику. Через десять минут участок у машины огородили лентой, пристав передал запись с наружной камеры суда, а Илья под протокол отдал пакет с распечаткой. На листе не нашли видимых следов влаги, хотя дождь шёл почти час. Значит, реестр положили незадолго до его приезда или держали под дворником в оболочке, которую забрали.

Видео просматривали в тесной комнате судебных приставов. Камера видела крышу машины между ветвями, но переднее стекло почти всё время скрывалось. В 12:41 рядом появилась женщина в светлом капюшоне. Она остановилась у водительской двери, будто поправляя сапог, затем на секунду протянула руку к стеклу. Лица не было видно. На левом плече висела тёмная сумка с длинной ручкой.

— Лариса? — спросила Ремезова.

— Рост похож. По такой записи утверждать нельзя.

— Вы встречались с ней сегодня?

— Нет.

— Сообщение о двух реестрах покажете?

Илья передал снимок экрана. Номер отправителя оказался зарегистрирован на фирму, закрытую три года назад. Ремезова велела запросить данные соединения и снова развернула распечатку.

— Первый вопрос, — сказала она. — Почему первый реестр?

— На наружной стороне синим карандашом стоит единица. Лариса предупредила, что реестров два.

— Или кто-то хочет, чтобы мы так решили.

— Поэтому надо проверять не название, а строки.

Они перенесли документ в кабинет следователя. Илье выдали копию с отметкой о добровольной передаче. Он настоял, чтобы фамилии пациентов в его экземпляре закрыли, оставив даты, суммы и номера счетов. Для защиты было важно движение груза, а не чужие истории болезни.

В официальных материалах фонда, уже приобщённых к делу после обнаружения тела, имелась справка Юдина. По ней в ячейке восемнадцать хранились двести сорок упаковок расходников: катетеры, системы для капельниц, стерильные наборы. Фонд купил их для городской больницы, но не успел передать из-за ошибки в накладной. Самойлов обнаружил недостачу,

потребовал объяснений у кладовщика, после чего, по версии Фомина, Антон ударил его рукоятью лебёдки.

Неподписанный реестр рассказывал другую историю. В нём не было двухсот сорока упаковок на складе. Те же номера счетов распределялись по тридцати двум людям как уже выданные лекарства. В строке Ларисы значился дорогой препарат, а рядом стоял номер счёта, который фонд в справке Юдина относил к партии одноразовых систем.

— Один счёт не может одновременно быть лекарством для сердца и системами для капельниц, — сказал Илья.

— Может, если это сводный счёт поставщика, — ответила Ремезова.

— Тогда должны быть позиции и накладная. В справке указан весь счёт как основание партии. Здесь он разбит между пациентами.

Ремезова открыла электронную копию накладной. Поставщиком значилось общество «Медснаб Север». Дата отгрузки — двадцать четвёртое ноября. Партия поступила в порт второго декабря и была помещена в ячейку восемнадцать. В реестре пациентов выдачи по тем же номерам начинались пятого ноября, за девятнадцать дней до отгрузки.

— Либо это разные документы с одинаковыми внутренними номерами, — сказала она, — либо один из них ложный.

— А Самойлов стал считать груз, потому что деньги на бумаге сходились.

— Не подсказывайте мне вывод.

— Я обозначаю проверяемую версию.

Они выписали четыре строки без фамилий. Во всех лекарства якобы выдавались раньше, чем соответствующий груз покинул склад поставщика. Ещё у семи пациентов одна и та же серия препарата повторялась с разными сроками годности. Серия состояла из восьми знаков. Ошибка в одной цифре могла быть опечаткой, но семь разных сроков означали, что номер копировали из общего образца.

Самой интересной оказалась строка тридцать два. Получателем значился Костин Николай Андреевич. Ему якобы выдали упаковку препарата от давления первого декабря, а в графе основания стояло решение комиссии от третьего декабря.

— Решение принято через два дня после выдачи, — сказал Илья.

— Такое бывает, если комиссия подтверждает экстренную помощь задним числом.

— Тогда почему Костин говорил диспетчеру, что ушёл на больничный, а фонд ночью вёз его как неизвестного?

— Мы пока знаем это со слов женщины без имени.

— И по фотографии он был у склада в ноль восемнадцать.

Ремезова положила рядом снимок. На нём Костин стоял у боковой двери, в той самой куртке с тёмным воротником. На распечатке реестра напротив его фамилии была сделана маленькая рукописная отметка: «лично».

— Кто подписал выдачу? — спросил Илья.

— Подписей нет.

— В официальном реестре должны быть.

— Официального реестра у нас нет. Есть справка Юдина и накладная на складскую партию.

— Значит, это не один из двух реестров. Это единственный, который нам показали неофициально.

Ремезова снова набрала номер оперативника.

— Получите постановление на выемку бухгалтерской базы фонда и реестров целевой помощи за квартал. Отдельно — договоры, счета и накладные «Медснаб Севера». До выемки никому из фонда не звонить.

Она убрала телефон и посмотрела на Илью.

— Если Лариса передала документ, ей лучше самой прийти и объяснить происхождение.

— Если мы сейчас позвоним, Юдин узнает раньше, чем она выйдет из кабинета.

— Я сказала: никому не звонить.

— А выемка будет через сколько?

— Когда суд даст разрешение.

— К вечеру фонд успеет перепечатать всё здание.

— Поэтому одновременно запросим сервер у обслуживающей компании. Они делают ночные копии.

— Если компания не принадлежит Мельнику.

— Проверим владельцев.

Илья понимал её осторожность. Неподписанная распечатка не доказывала хищение. Она лишь показывала места, где официальная версия должна либо дать документы, либо развалиться. Но именно поэтому лист был опасен. Для честной проверки он годился как карта. Для публичного обвинения — как повод уничтожить источник.

Он попросил сверить номер счёта из строки Ларисы с открытыми закупками больницы. Ремезова отказалась пускать его к служебной системе, но разрешила воспользоваться общедоступным компьютером в приёмной. За последние полтора года городская больница трижды объявляла закупку того же сердечного препарата. Все три раза конкурс отменяли из-за отсутствия заявок. Через две недели после каждой отмены фонд сообщал в местной газете, что «Берег» пришёл пациентам на помощь.

Поставщиком фонда называли «Медснаб Север». У фирмы был адрес в промышленной зоне Ладожска, уставный капитал в сто тысяч рублей и телефон, совпадавший с номером диспетчерской логистической группы Мельника. Руководитель сменился месяц назад. Прежнего директора звали Сергей Юдин.

Илья распечатал страницу.

— Фонд покупал у компании, которой руководил его нынешний директор.

— Само по себе не преступление, — сказала Ремезова.

— Но теперь понятно, кто мог сделать две версии одного счёта.

Она взяла распечатку, отметила адрес сайта и добавила лист в папку.

В коридоре хлопнула дверь. Оперативник вошёл без стука и протянул Ремезовой телефон.

— Дорожники ответили. Камера на перекрёстке у больницы сохранилась.

На экране шло зернистое ночное видео. В 01:26 белый фургон с синей волной свернул к хозяйственному двору. Номер различался плохо, но последние две цифры были похожи на сорок семь. В 04:52 машина выехала обратно. За лобовым стеклом сидели двое. В грузовом отсеке не было окон.

— Пусть дадут исходный файл, — сказала Ремезова. — И все камеры по маршруту.

— Есть ещё одно, — ответил оперативник. — Фургон перед больницей ехал от порта. На кольце попал в кадр в час двенадцать.

Илья мысленно поставил времена рядом. В ноль восемнадцать Костин был у боковой двери склада. В час двенадцать фургон шёл от порта. В час двадцать шесть въехал в больничный двор. Значит, между фотографией и больницей оставалось меньше часа. Достаточно, чтобы забрать человека со склада, но слишком мало для версии о случайном больном, которого фонд подобрал где-то в городе.

— Запросите пропуск фургона на участок номер четыре, — сказал он.

— Уже, — ответила Ремезова.

Телефон Ильи завибрировал. Звонила Лариса. На этот раз с собственного номера, который она утром объявила утопленным в раковине.

Он показал экран Ремезовой.

— Ответьте при мне, — сказала она. — Без громкой связи, если источник возражает. Но не обещайте скрыть преступление.

Илья принял вызов.

— Да.

Сначала он услышал только дыхание и гул машин.

— Вы получили? — спросила Лариса.

— Что именно?

— Не заставляйте меня произносить.

— Получил документ под дворником. Передал следователю официально. Фамилии пациентов в моей копии закрыты.

Лариса выдохнула. Это могло быть облегчение или страх.

— Вы не должны были отдавать.

— Иначе его назвали бы украденным у вас и найденным у меня. Теперь зафиксировано, где и как он появился.

— Они всё равно поймут.

— Кто они?

— Юдин уже спрашивал, где я была во время суда.

— Вы приносили реестр?

Пауза.

— Я сестра Антона, — сказала она. — Этого им достаточно.

— Лариса, откуда документ?

— Это список, который мы показываем пациентам. В нём всё выдано. Второй идёт в бухгалтерию. В нём то же самое числится на складе как нераспределённая помощь.

— Кто ведёт второй?

— Я.

Илья закрыл глаза. За три буквы в этом ответе Лариса могла заплатить работой, лекарством и свободой.

— У вас есть доступ к обоим?

— Уже нет. Мой пропуск заблокировали после заседания.

— Где вы сейчас?

— У аптеки на Морской.

— Оставайтесь среди людей. Следователь направит машину.

— Нет полиции. Если приедет полиция, я уйду.

Ремезова услышала последние слова по голосу Ильи и написала на листке: «Предложите адвоката и безопасное место».

— Вы можете приехать ко мне в коллегию, — сказал Илья. — Там будет другой адвокат. Я представляю Антона и не должен одновременно давать вам советы, если ваши интересы разойдутся. Следователь сможет принять заявление там, не в отделе.

— А лекарство?

— Его нельзя делать платой за молчание.

— Вы говорите так, будто от ваших слов появится коробка.

— Нет. Я говорю, что отдельно найдём законный способ не прерывать лечение. Но сначала вы должны выйти из места, где Юдин решает, получите ли вы следующую упаковку.

На линии послышался сигнал машины.

— Белый фургон, — прошептала Лариса. — Он проехал мимо второй раз.

— Зайдите в аптеку. Подойдите к кассе и скажите, что вам угрожают. Не выходите к машине.

Связь оборвалась.

Ремезова уже передавала адрес ближайшему экипажу. Илья позвонил в коллегию и попросил дежурного адвоката встретить Ларису, если её доставят. Потом снова набрал её номер. Телефон был выключен.

Через семь минут патруль сообщил: Лариса находится в аптеке, с ней всё в порядке. Белого фургона рядом нет. Она отказалась ехать в отдел, но согласилась пройти в коллегию с адвокатом.

Ремезова положила неподписанный реестр в сейф-пакет.

— Первый список у нас, — сказала она. — Второй ещё в фонде.

— Если его не уничтожили.

— Ночная копия могла сохраниться у обслуживающей компании.

— А Лариса знает, как записи связаны с ячейкой восемнадцать.

— Теперь она мой свидетель, а не ваш способ задавать вопросы.

— Она прежде всего человек, которого держали на лекарстве.

Ремезова подписала пакет и поставила время.

— Тогда не превращайте её в приложение к делу Белова.

Илья кивнул. Это было справедливое предупреждение.

Он вышел из отдела, когда дождь закончился. На крышах лежал мокрый снег, водостоки шумели, унося в решётки серую воду. В телефоне сохранился снимок сообщения: «Их два». Теперь эта фраза перестала быть загадкой. Один реестр успокаивал пациентов: помощь выдана. Другой успокаивал проверяющих: груз лежит на складе. Между ними исчезали коробки, деньги и ответственность.

Но в первом списке стояла фамилия Костина. Живого человека провезли от порта через больничный двор в ту же ночь, когда убили Самойлова. И кто-то заранее записал Костину помощь, выданную до решения комиссии.

Илья посмотрел на время. До вечера оставалось меньше четырёх часов. Жалоба Юдина ждала объяснения, Лариса — независимого адвоката, а в фонде люди, вероятно, уже открывали бухгалтерскую базу.

Первый реестр не оправдывал Антона. Он делал другое: показывал, почему убийство понадобилось оформить как простую ссору кладовщика с аудитором. Самойлов нашёл не недостачу одной партии. Он нашёл способ, которым один и тот же груз помогал городу на людях и оставался собственностью фонда на бумаге.

Теперь следовало выяснить, сколько времени украли у дела вместе с сорока минутами в протоколе.

Глава 5. Сорок лишних минут

В коллегию Ларису привезли без мигалок. Она вошла между патрульным и женщиной-адвокатом, прижимая к груди аптечный пакет. Белый фургон больше не появлялся, но Лариса каждые несколько шагов оглядывалась на улицу.

Илья ждал в коридоре. Подойти к ней хотелось сразу, однако он остался у окна. Теперь у Ларисы был собственный защитник — Нина Соколова, спокойная женщина с короткой стрижкой, которую в городе знали по делам врачей. Смешивать интересы брата и сестры было нельзя. Если фонд обвинит Ларису в копировании базы, её слова должны прозвучать не как услуга Антону, а как самостоятельное заявление.

Соколова отвела её в кабинет. Через десять минут вышла и закрыла дверь.

— Она согласна дать объяснение Ремезовой здесь, — сказала Нина. — Без изъятия телефона и без поездки в отдел. Сегодня она свидетель, не подозреваемая.

— Согласен.

— Ты не участвуешь.

— Я и не прошу.

— Просишь лицом.

Илья протянул ей копию реестра с закрытыми фамилиями.

— Тогда спроси о времени. Когда Лариса сделала копию, когда Фомин позвонил ей, когда Юдин заблокировал пропуск. И отдельно — почему Антон сказал, что пациентов снимут с лекарства, если найдут список.

Нина взяла лист.

— Это уже четыре вопроса.

— В деле лишние сорок минут. Мне нужно понять, чем их заполнили.

— Ремезова едет?

— Да.

— Иди проверяй свои минуты. Сестру оставь мне.

Илья спустился к машине и разложил на пассажирском сиденье копии. Официальный протокол: задержание в 01:35, начало составления в 02:10. Журнал отдела: доставлен в 02:47. Объяснение Фомина: Антона удержали у тела до приезда полиции, затем немедленно передали наряду. Фотография Костина: 00:18 у боковой двери. Фургон: 01:12 на кольце от порта, 01:26 у больницы.

Если Антона действительно задержали в 01:35, он не мог в 02:10 подписывать протокол в отделе, до которого ночью ехать не меньше двадцати пяти минут. Но подпись появилась ещё в комнате охраны. Значит, время 02:10 обозначало не составление документа, а момент, к которому участники хотели привязать готовый лист.

Он позвонил диспетчеру такси и попросил расчёт поездки от участка №4 до районного отдела по ночному тарифу. Компьютер показал двадцать семь минут. Затем проехал маршрут сам. Дождь закончился, дороги были свободны. От ворот порта до отдела получилось двадцать четыре минуты без остановок и двадцать девять с двумя красными сигналами.

На парковке отдела Илья включил диктофон и назвал время прибытия. Потом вошёл к дежурному.

— Мне нужна заверенная копия страницы журнала за ночь и сведения о машине, доставившей Белова.

— По запросу следователя.

— Страница уже осматривалась мной утром. Я подал ходатайство о приобщении.

— Тогда ждите ответа.

За стеклом лежала книга въезда служебного транспорта. Илья видел колонки времени и номеров, но прочитать строки не мог.

— Наряд, доставивший Белова, когда вернулся?

— Я вам справочная?

— Вы дежурили ночью?

— Нет.

— Кто дежурил?

Мужчина закрыл книгу ладонью.

— Все вопросы следователю.

Илья написал новое ходатайство прямо у стойки: сохранить журнал въезда, данные навигации патрульной машины и записи нагрудных камер. Дежурный поставил входящий номер. Когда Илья убирал копию, из коридора вышел молодой сержант с пластиковым стаканом.

— Белова не патруль привёз, — негромко сказал он, проходя мимо. — Портовая охрана.

— На своей машине?

Сержант выбросил стакан и не ответил. У двери он задержался:

— Серый микроавтобус. Стоял во дворе до трёх.

Дежурный повысил голос:

— Кравцов, тебя ждут!

Сержант ушёл.

В журнале доставленных было 02:47. Серый микроавтобус оставался до трёх. Значит, Фомин или его люди привезли Антона сами и могли передать вместе с ним уже подписанный лист. Время 02:10 приходилось на дорогу между портом и отделом. Документ будто составляли в движущейся машине.

Илья позвонил Ремезовой.

— Кто доставил Белова?

— В материалах рапорт патрульного.

— Какого?

— Сейчас не перед компьютером.

— Дежурный сержант говорит, его привезла охрана порта на сером микроавтобусе.

— Имя сержанта?

— Кравцов. Проверьте журнал въезда и навигацию патруля. Я зарегистрировал ходатайство.

— Хорошо.

— Время 02:10 попадает на дорогу. От порта двадцать четыре минуты, доставление в 02:47.

— Это доказывает только неточность времени.

— Неточность в тридцать семь минут, которая делает незаконное удержание похожим на оформленное задержание.

— Я проверю.

— И ещё: фургон с Костиным выехал из порта около часа. Если Фомин отвлекал внимание Беловым, оба человека покинули участок почти одновременно на разных машинах.

Ремезова помолчала.

— Не связывайте события раньше экспертизы видео.

— Я связываю время, не виновных.

В порту сменился караул. У проходной Илью встретила Елена Гущина. После вчерашнего осмотра она выглядела так, будто не спала: волосы собраны наспех, под глазами тёмные круги.

— Фомин запретил пускать вас без следователя.

— Я не прошу внутрь. Кто вывез Белова ночью?

— Полиция.

— На сером микроавтобусе охраны?

Гущина посмотрела на будку, где сидел второй охранник.

— Машины полиции к складу не подъезжали. Они ждали у управления.

— Кто вёл микроавтобус?

— Фомин.

— Кто был с ним?

— Антон и двое из смены.

— Во сколько выехали?

— Не знаю.

— Журнал транспорта?

— Его забрали утром.

— Кто?

— Павел Николаевич.

— До повторного осмотра или после?

— До. Сказал, нужен следователю.

Илья показал ей фотографию Костина.

— А белый фургон фонда?

Гущина побледнела.

— Я его не видела.

— Он попал на городскую камеру, когда шёл от порта. Костин был у боковой двери в ноль восемнадцать. Фургон оказался на кольце в час двенадцать.

— Тогда зачем спрашиваете меня?

— Городская камера не показывает ворота. Нужна запись выезда.

— Камеры проходной ведёт Фомин.

— Где архив?

— В управлении безопасности.

— Кто имеет доступ кроме него?

Гущина назвала техника, Андрея Шалаева. Илья записал фамилию.

— Елена, когда вы последний раз видели Костина?

— В начале смены.

— Он был на больничном?

— Он сказал, что плохо себя чувствует. Но не ушёл. Ждал кого-то у четвёртого участка.

— Кого?

— Не знаю. Он всё спрашивал, приехал ли аудитор.

— Самойлов?

— Да.

— Фомин знал?

— Фомин всё знает.

Из будки вышел второй охранник. Гущина сразу отступила.

— Мне пора.

— Скажите хотя бы время выезда микроавтобуса.

Она посмотрела на большие часы над проходной.

— После двух тридцати. Я открывала шлагбаум.

— Не в 01:35?

— В половине второго Антон ещё был в комнате охраны.

— Откуда помните?

— В 01:40 звонил диспетчер буксира. Линия порта записывается. Я пошла искать Фомина и увидела Антона через стекло. Он сидел за столом.

Это была первая независимая точка времени после фотографии. В 01:40 Антон оставался в порту, хотя протокол утверждал, что его задержали в 01:35, а в 02:10 уже оформляли в отделе.

— Запись звонка где?

— У диспетчерской службы. Хранят неделю.

— Ремезовой скажете?

— Если спросит.

— Она спросит сегодня.

Гущина ушла за турникет. Илья отправил Ремезовой голосовое сообщение с фамилией диспетчера, временем звонка и сведениями о микроавтобусе. Затем позвонил в диспетчерскую. Дежурный отказался выдавать запись, но подтвердил: вызов на проходную был сделан в 01:39 и длился две минуты восемнадцать секунд.

На обратном пути Илью догнала машина Ремезовой. Она мигнула фарами и прижала его к обочине не хуже дорожного инспектора.

— Садитесь, — сказала она через открытое окно.

В салоне пахло кофе и мокрой тканью. На заднем сиденье лежал сейф-пакет с первым реестром.

— Кравцов подтвердил серый микроавтобус, — сказала Ремезова. — Журнал въезда: 02:46. За рулём Фомин. Рапорт патрульного составлен так, будто Белов был передан ему у места преступления в 01:35. Навигация показывает: машина патруля с 01:20 до 02:31 стояла у управления порта, не у участка номер четыре.

— Значит, рапорт ложный.

— Значит, место передачи указано неверно. Не бегите впереди.

— А время?

— Камера двора отдела показывает микроавтобус в 02:45. Белов выходит через минуту. В 02:10 его там не было.

— Протокол составлен раньше доставления.

— Да.

Она произнесла это без защиты следствия, как установленный факт.

— Где составили лист? — спросил Илья.

— Фомин утверждает, что патрульный начал оформление в управлении порта, а закончил в отделе.

— Антон подписал пустой бланк в комнате охраны.

— Тогда нужен оригинал и экспертиза последовательности нанесения текста. Уже назначаю.

— И запись звонка в 01:39.

— Получим. Гущина согласилась дать показания.

Илья посмотрел на сейф-пакет.

— Лариса рассказала?

— Да. В присутствии Соколовой. Она сделала копию первого реестра утром, когда поняла, что Самойлов убит. Второй реестр хранится в базе под названием «Остатки склада». Доступ закрыли в 13:06. Ночная копия у обслуживающей компании есть, но компания получила требование Юдина удалить её как ошибочную.

— Удалили?

— Системный администратор отказался без акта. Сейчас едем изымать.

— Почему вы остановили меня?

Ремезова достала фотографию с камеры двора. Серый микроавтобус стоял у отдела. Возле задней двери виднелся Фомин. Рядом — человек в форме патрульного. Между ними, с опущенной головой, стоял Антон. В углу кадра часы показывали 02:46.

— Посмотрите на переднее сиденье, — сказала она.

Под ветровым стеклом лежала папка с красным корешком. Такая же папка была у Ремезовой в суде.

— Следственная?

— Форму выдаёт наш отдел. Но это ещё не самое важное.

Она увеличила снимок. На панели микроавтобуса светился экран навигатора. В верхней строке можно было различить время: 02:09.

— Камера сняла машину в 02:46, — сказал Илья.

— А навигатор отстаёт на тридцать семь минут. Фомин говорит, что всё время сверял по нему действия охраны.

Илья понял, откуда взялось 02:10. Не из часов отдела и не из памяти патрульного. Время переписали с экрана машины, который отставал ровно настолько, насколько протокол опередил доставление.

— Он не придумал цифру, — сказал Илья. — Он записал то, что видел, когда подъехал к отделу.

— Вероятно. Эксперт проверит настройки и историю навигатора.

— А 01:35?

— Если те же часы использовали раньше, реальное время было 02:12. Тогда Белов ещё находился в порту, а фургон с Костиным уже был в больнице.

Два неверных времени складывались в одну последовательность. Сначала из порта вывезли Костина. Потом оформили Антона задержанным задним числом. Между этими событиями оставалось место, которое обвинение пыталось закрыть признанием.

— Фомин задержан? — спросил Илья.

— Пока нет оснований. Ошибочные часы не доказывают убийство.

— Но доказывают подделку времени.

— Доказывают источник ошибки. Умысел ещё надо установить.

Ремезова убрала фотографию.

— Возвращайтесь в коллегию. Не звоните Фомину и не ищите техника камер. Шалаева уже нет дома, телефон выключен.

— Когда его видели?

— Утром он пришёл на работу. В 10:20 вынес из управления безопасности системный блок, якобы на ремонт. Машина попала на камеру заправки.

— Какого цвета куртка?

— Синяя синтетика.

Илья вспомнил волокно у аварийной двери.

— Такое волокно изъяли у склада.

— Поэтому я прошу вас не искать его самостоятельно.

Она завела двигатель.

— Сорок минут исчезли не случайно, — сказал Илья.

— Тридцать семь.

— В протоколе округлили до удобной жизни.

Ремезова впервые за день усмехнулась.

— В суде округление не поможет.

Илья вышел на обочину. Машина следователя направилась к городу, где на сервере ещё существовал второй реестр. Он посмотрел на фотографию, сохранённую в телефоне: Антон у серого микроавтобуса, Фомин рядом, часы двора — 02:46. Простая картинка разрушала полстраницы официального текста.

Теперь у защиты было не подозрение, а измеримый разрыв. В 01:40 Антон сидел в комнате охраны. В 02:31 патруль ещё стоял у управления порта. В 02:46 Антона вывели из машины во дворе отдела. Протокол утверждал, что оформление началось в 02:10.

Лишние минуты не пропали. Их спрятали в отстающих часах, чтобы подписанный заранее лист выглядел законным. И пока все смотрели на Антона, другой фургон увозил единственного свидетеля ранней подписи через больничный двор.

Глава 6. Ключ на двух кольцах

Короткий ключ лежал в сейф-пакете так спокойно, будто никогда не открывал аварийную дверь.

Илья смотрел на него через прозрачный пластик в кабинете Ремезовой. На синем ярлыке шариковой ручкой было выведено «18». Рядом лежал длинный ключ с таким же ярлыком. Два похожих кольца, две одинаковые цифры и два разных замка. Для человека, который видел связку мельком, разницы почти не было. Для того, кто пользовался ею каждую ночь, ошибиться было трудно.

— Фомин принёс связку добровольно, — сказала Ремезова. — При первом осмотре. Ничего не прятал.

— Потому что был уверен, что короткий ключ назовут внутренним и на этом остановятся.

— Или потому что сам не знал, к чему он подходит.

Илья перевёл взгляд на неё.

— Начальник безопасности не знает ключ от аварийной двери своего склада?

— Я обязана проверять обе версии.

— А я обязан показать, какая из них выдерживает обычный вопрос.

Ремезова подвинула к нему копию протокола изъятия. Связку забрали у Фомина в одиннадцать сорок восемь. До этого он успел изъять журнал транспорта, распорядиться о снятии системного блока и дважды побывать в управлении безопасности. В протоколе были перечислены девять ключей: кабинет, оружейная комната, проходная, архив, две кладовые, ворота и два ключа с цифрой «18».

— Кольца разные, — сказал Илья.

Один ключ крепился к общей связке плоским стальным кольцом. Второй висел на маленьком витом кольце, продетом в большое. Металл у витка был светлее, без налёта.

— Эксперт отметил недавнюю замену, — сказала Ремезова. — На малом кольце почти нет следов длительного ношения. Но это не даёт даты.

— А ярлыки?

— Пластик одного типа. Маркер на длинном ключе старше, на коротком надпись нанесена недавно. Насколько недавно, лаборатория обещаний не даёт.

Илья достал фотографию, сделанную при повторном осмотре. На ней оба ярлыка казались одинаково потёртыми. Теперь он увидел, что царапины на коротком шли поверх цифры, словно пластик нарочно несколько раз провели по шероховатой стене.

— Его состарили руками.

— Предположение.

— Тогда зачем новый ключ вешать на старую связку под номером ячейки?

Ремезова закрыла папку.

— Затем я вас и вызвала. В порту нашли шкаф с запасными ключами. Официально короткого дубликата не существует.

Они поехали на участок №4 в двух машинах. У ворот дежурил незнакомый охранник из городской службы, нанятой после изъятия журналов. Снег превратился в мелкую ледяную крупу и шуршал по капоту. За оградой стояли краны, похожие на тёмные скобы над серой водой.

В управлении безопасности пахло пылью от снятой техники. На столе Андрея Шалаева остались кабельные стяжки, отвёртка и кружка с засохшим кофейным ободком. Пустое место системного блока было обведено чистым прямоугольником. Провода свисали к полу, каждый с бумажной биркой следователя.

Шкаф запасных ключей находился в комнате без окон. Его опечатали после слов Гущиной. Внутри на крючках висели связки с жестяными номерками. На полке лежала тетрадь выдачи. Крючок «АВ-4» был пуст.

— Аварийный выход четвёртого участка, — пояснил заведующий хозяйством Борис Левчук. — Должно быть два экземпляра. Один у начальника безопасности, второй здесь.

— Длинный или короткий? — спросил Илья.

Левчук поправил очки и посмотрел на фотографию.

— Короткий. Замок меняли весной.

— Кто менял?

— Подрядчик. После того как дверь заклинило на проверке пожарных.

— Старые ключи куда дели?

— Сдали мне, я списал.

— Покажите акт.

Левчук нашёл папку не сразу. Он перебирал корешки, бормотал номера участков, дважды вытирал ладони о брюки. Наконец достал тонкую серую папку. В акте от двадцать второго апреля значились новый замок и три ключа: один передан Фомину, один помещён в запасной шкаф, один должен храниться в опечатанном пенале у диспетчера участка.

— Три, — сказал Илья. — Не два.

Левчук прочитал строку и нахмурился.

— У диспетчера пожарный комплект. Я его не считаю рабочим.

— Где пенал?

— На стене возле пульта.

— Проверим все три.

Ремезова подняла ладонь, не позволяя Левчуку закрыть папку.

— Сначала подписи. Кто принимал работу?

Под актом стояли фамилии подрядчика, Левчука и Фомина. Четвёртая подпись принадлежала инженеру Виктору Лебедеву — тому самому, на кого позднее внесли выдачу ключа от ячейки в журнал.

Лебедева вызвали из ремонтного корпуса. Он пришёл в рабочей куртке, принёс каску под мышкой и раздражение человека, которого второй день заставляли объяснять чужие записи.

— Замок принимали? — спросила Ремезова.

— Принимал дверь после ремонта. Ключи не считал.

— В акте указаны три ключа.

— Значит, было три.

— Один передали Фомину при вас?

— Подрядчик положил их на стол. Павел взял один, остальные забрал Борис.

Левчук покраснел.

— Один я повесил в шкаф, другой отдал диспетчеру.

— Когда вы видели запасной в последний раз? — спросил Илья.

— На квартальной проверке.

— Дата?

Левчук перелистал тетрадь. Проверка была второго октября, за девятнадцать дней до убийства. Напротив строки стояли его подпись и короткая отметка «комплект». Крючки по одному он не перечислял.

— То есть вы смотрели на шкаф и расписались, — сказал Илья.

— Я проверил наличие.

— Наличие чего именно?

— Ключей по списку.

— Но сейчас один отсутствует, а вы сначала сказали, что их два.

Ремезова бросила на Илью предупреждающий взгляд и сама продолжила:

— Кто имеет ключ от этого шкафа?

— Я, Фомин и дежурный начальник смены.

— Камера в коридоре?

— Была.

Все посмотрели на пустое место системного блока в соседней комнате.

В диспетчерской пожарный пенал висел на стене за прозрачной крышкой. Бумажная пломба казалась целой, но один её край был приклеен поверх слоя серой пыли. Ремезова позвала криминалиста. Тот осветил пломбу сбоку и показал тонкую линию надрыва у шурупа.

— Крышку можно отвести на палец, не разрывая середину, — сказал он. — Край отклеивали и посадили снова.

Внутри лежали фонарь, список телефонов и пустой металлический зажим.

— Ключ должен быть здесь, — сказал Левчук.

— Теперь отсутствуют два запасных, — ответила Ремезова.

Илья вернулся к фотографии связки Фомина. Один короткий ключ был при нём. Второй мог лежать у человека, который вышел через аварийную дверь и натянул цепочку проволокой. Но тогда оставался третий — или ключ Фомина и был одним из похищенных, а выданный весной экземпляр находился где-то ещё.

— Нужны заводские номера, — сказал он.

Левчук посмотрел с недоумением.

— На ключах нет номеров.

— На накладной замка.

В папке обнаружился товарный чек подрядчика. Замок купили в магазине «Крепёжный двор», три ключа входили в комплект. Илья набрал номер магазина. Продавец отказался обсуждать покупку без владельца чека, но Ремезова представилась и через десять минут договорилась о выемке записи заказа.

— Что вы хотите найти? — спросила она, когда закончила разговор.

— Кто заказывал дубликаты.

— Простой ключ можно скопировать в любой мастерской.

— Но люди ленивы. Особенно когда считают себя хозяевами города. Сначала проверяют ближайшее место.

Мастерская находилась при том же магазине, в стеклянной будке между рядами замков. Пожилой мастер Семён Круглов хранил заказы в толстой тетради, потому что не доверял кассовой программе. Он помнил синие пластиковые ярлыки лучше, чем лица.

— Порт заказывал много, — сказал он. — У них все участки по цветам. Синие — четвёртый, красные — топливный, жёлтые — контора.

— Этот ключ копировали? — Ремезова положила перед ним фотографию, не вынимая оригинал из пакета.

Круглов взял лупу.

— Заготовка наша. Видите насечку у головки? Я так помечаю, когда металл мягкий. Но точил не я.

— Кто ещё работает?

— Племянник по выходным. И до августа работал Славка.

Он раскрыл тетрадь на апрельских записях. Заказ подрядчика был: три ключа при замке, без копий. Затем Круглов перевернул несколько страниц и остановился на двенадцатом сентября. «Порт, уч. 4, АВ — 2 шт.». Заказчиком записан П. Фомин.

— Два дубликата, — сказал Илья.

— Оплата наличными, — добавила Ремезова.

— Он мог восстановить утраченные запасные.

— Тогда должен был передать их Левчуку и внести в список.

Круглов покачал головой.

— Эти не забрали.

Ремезова подняла глаза.

— Как не забрали?

— Переделывать пришлось. Первый раз племянник снял копию плохо. Один открывал через раз, второй заедал. Фомин принёс другой образец и ругался. Мы сделали ещё два. Брак он забрал с собой, сказал, уничтожит служба безопасности. Нормальные забрал через день.

— Получается четыре новых ключа.

— Два негодных, два годных.

— Насколько негодных? — спросил Илья.

— Дверь открыть можно, если приподнять и довернуть. Закрыть ещё легче. Я бы не пользовался.

Ключ из пакета осмотрели под лампой. Круглов указал на плечо у бородки.

— Вот этот как раз первый. Срез глубокий, потому и цепляет. Я на бракованных ставлю две точки.

На металле обнаружились две крошечные вмятины.

Фомин носил на связке не штатный ключ и не хороший дубликат. Он носил брак, который официально должен был уничтожить.

— Кто принёс образец во второй раз? — спросила Ремезова.

— Сначала сам Фомин. Потом за готовыми приезжал молодой, в синей куртке. Из их техников. Имя не помню.

Она показала фотографию Шалаева с пропуска.

— Он?

Круглов долго смотрел, затем прикрыл ладонью нижнюю половину лица на снимке.

— Похож. Волосы такие. Но ручаться не стану.

— Камеры есть?

— Над кассой. Месяц хранят, если место не кончилось.

Двенадцатое сентября было больше месяца назад. Однако хозяин магазина сохранял копии кассовых дней на внешнем диске из-за недостачи. На записи Фомин вошёл в мастерскую в 18:14 и передал Круглову ключ. Через два дня худой мужчина в синей куртке забрал маленький бумажный конверт. Лица почти не было видно, но на рукаве белела эмблема обслуживающей фирмы Шалаева.

— Значит, у них было минимум семь ключей, — сказал Илья на улице. — Три штатных, два хороших дубликата и два бракованных.

— Один бракованный на связке Фомина. Шесть остальных надо найти.

— Штатный Фомина мог остаться у него дома. Два запасных вынули из шкафа и пенала. Хорошие дубликаты забрал Шалаев. Даже если часть — одни и те же ключи, учёт намеренно разрушен.

— Это всё ещё не доказывает, кто открыл дверь ночью.

— Но уничтожает сказку о единственном ключе и запертой изнутри двери.

Ремезова остановилась у машины.

— Сказку уничтожила проволока. Ключи показывают подготовку.

Ей позвонили. Она слушала молча, лишь однажды спросила: «Когда именно?» Потом включила громкую связь.

Говорила эксперт из лаборатории. На коротком ключе нашли смесь свежей графитовой смазки и бурой пыли. Такая же смазка была в аварийном замке. Бурая пыль содержала частицы кирпича и старой краски, совпадавшие с осыпью у двери. Ключом пользовались недавно. На

головке под синим ярлыком сохранился фрагмент прозрачной клейкой ленты с тёмным волокном.

— Волокно синтетическое? — спросила Ремезова.

— Да. Сравнение с образцом у двери продолжается.

— Отпечатки?

— Поверхность протёрта. Есть отдельные участки папиллярных линий, для идентификации пока недостаточно.

Илья дождался окончания разговора.

— Фомин говорил, что не знает назначения ключа. Но им недавно открывали именно эту дверь.

— Ключ мог использовать Шалаев, потом вернуть на связку.

— Вернуть начальнику безопасности вещь, которую тот якобы не замечает.

— Илья, не заставляйте меня защищать Фомина только потому, что вы торопитесь обвинить его.

— Я не обвиняю. Я считаю ключи.

— Тогда считайте до конца.

Они вернулись в порт. Ремезова распорядилась изъять все связки четвёртого участка, опечатать мастерскую охраны и осмотреть шкаф Фомина. В верхнем ящике его стола нашли упаковку новых синих ярлыков, витые кольца и прозрачную ленту. Всё это продавалось в любом хозяйственном магазине и само по себе ничего не доказывало. В нижнем ящике лежали квитанции за лекарства Ларисы и ещё четырёх пациентов фонда.

— Почему они у него? — спросил Илья.

Левчук, стоявший у двери, ответил раньше следователя:

— Павел Николаевич возил документы в фонд. Мельник поручал ему помогать с поставками.

— Начальник безопасности порта развозил медицинские квитанции?

— У Аркадия Степановича все помогают, если нужно.

Фраза прозвучала почти с благодарностью. Илья вспомнил слова Ларисы: фонд держал не одного человека, а весь город. Помощь не требовала расписок о верности. Достаточно было, чтобы квитанции лежали в нужном ящике и каждый знал, кто может не оплатить следующую упаковку.

В шкафу с формой висела тёмная куртка Фомина. Синтетика была чёрной, не синей. Карманы оказались пусты. За шкафом криминалист нашёл маленький металлический кружок. Это был жетон от ключа с выбитым «АВ-4». На отверстии осталась свежая царапина, словно кольцо разжали инструментом.

— Штатный жетон, — сказал Левчук. — Такие были в комплекте до синих ярлыков.

— Почему он за шкафом?

— Не знаю.

Жетон упаковали отдельно. Илья представил, как кто-то снимает с ключа официальный номер, надевает новый пластик с цифрой «18» и превращает аварийный выход в ключ от ячейки. Подмена была рассчитана не на эксперта. Она была рассчитана на первые часы, когда все верят уверенной подписи под протоколом.

Ремезова вызвала Фомина по телефону. Он ответил сразу и сообщил, что находится в городской больнице: навещает мать. Следователь велела ему не покидать здание и ждать сотрудников.

— У него мать в больнице? — спросил Илья.

Левчук отвёл взгляд.

— Не слышал.

— В какой больнице он сейчас?

Ремезова назвала ту самую, через хозяйственный двор которой провезли Костина.

Они вышли к аварийной двери. Цепочку уже сняли для исследования, и створка закрывалась только на замок. Криминалист вставил короткий ключ Фомина. С первого раза тот упёрся. Со второго, если чуть поднять ручку и довернуть, замок открылся.

— Бракованный, — сказал Илья.

— Но рабочий, — ответила Ремезова.

За дверью тянулся узкий проезд к старой кирпичной стене. У края асфальта ещё виднелись следы шин, накрытые защитной плёнкой. Здесь не было проходной и шлагбаума. Машина могла подъехать со стороны ремонтной дороги, забрать человека или груз и уйти к больнице, не попав в основной журнал.

— Почему Самойлов пришёл именно к ячейке восемнадцать? — спросил Илья.

— Проверял груз.

— А Костин ждал его у боковой двери. Шалаев забрал дубликаты за месяц до убийства. Это не уборка следов после случайной ссоры. Дверь готовили заранее.

— Возможно, для вывоза товара.

— Аудитор увидел маршрут, который уже работал.

Ремезова посмотрела на пустую дорогу за оградой.

— Если через эту дверь вывозили коробки, нужны накладные, вес и машина.

— Фургон фонда.

— Он выехал из порта в 01:12. Время смерти Самойлова пока от полуночи до двух.

— И вёз живого Костина в больницу. Значит, Костин видел не только подпись Антона. Он видел, что грузили.

Следователь ничего не ответила. Её телефон снова зазвонил. На этот раз сотрудник из больницы сообщил, что Фомина в здании нет. В регистратуре он не отмечался, мать с такой фамилией не лежала. Его машина была найдена у старого корпуса, водительская дверь закрыта, на сиденье — телефон с включённым экраном.

— Он оставил телефон и ушёл через хозяйственный двор, — сказал Илья.

— Или кто-то оставил машину от его имени.

— Камеры?

— Уже сохраняют.

Ремезова приказала объявить Фомина в розыск как свидетеля, местонахождение которого необходимо установить. Формулировка была осторожной, но люди вокруг сразу задвигались быстрее.

У проезда появился патрульный автомобиль. Криминалист закрыл аварийную дверь и опечатал замок. Короткий ключ вернулся в пакет. Теперь он уже не казался спокойным предметом. На нём сошлись магазинная тетрадь, пустой крючок, вскрытая пломба, исчезнувший техник и ложь Фомина о назначении.

Илья записал в блокноте семь возможных ключей и возле каждого оставил место для найденного владельца. Штатный Фомина. Запасной шкафа. Пожарный. Два исправных дубликата. Два бракованных. Один бракованный был перед ним. Два запасных исчезли. Остальные могли открыть дверь так же легко, как подпись на пустом листе открыла путь готовому обвинению.

— Вы сказали считать до конца, — напомнил он Ремезовой. — Сколько ключей вы укажете в новом протоколе?

— Семь известных экземпляров. И возможность неучтённых копий.

— А в деле сейчас написано, что дверь была заперта изнутри.

— Сегодня будет написано иначе.

Это было немного. Антона не освобождали. Фомина не обвиняли. Самойлова не возвращали к жизни. Но одна фраза, на которой держалась версия закрытого склада, исчезала из дела.

Когда Илья уже садился в машину, Лариса прислала сообщение через Нину Соколову: «Нашла номер партии. Пациенты её не получали. По документам груз ушёл в больницу».

Следом пришла фотография листа из второго реестра. Напротив ячейки 18 стояло название получателя — городская больница — и дата, которой ещё не было. Поставка числилась завтрашним днём.

Илья увеличил строку. В графе «принял» была оставлена пустая клетка, а рядом заранее напечатано имя пациента.

Костина.

Глава 7. Пациент без поставки

Фотография была снята наспех: край листа уходил в тень, строку пересекал блик, а будущая дата казалась ошибкой камеры. Илья попросил Нину переслать исходный файл без обрезки. Через минуту пришёл полный разворот второго реестра.

В верхнем углу стоял номер партии: БР-0417. Тридцать две упаковки дорогого сердечного препарата, получатель — городская больница, основание — целевая помощь фонда «Берег». Ниже шёл список пациентов. Первым был Костин Михаил Андреевич. Возле его фамилии заранее напечатали номер решения комиссии, которого Лариса ещё не видела, и оставили место для подписи.

Илья сверил дату на телефоне. Поставка должна была состояться завтра в девять утра.

— Где оригинал? — спросил он Нину.

— Лариса видела лист на экране ночной копии. У неё только фотография. Ремезова сейчас получает данные официально.

— Костин когда-нибудь был пациентом фонда?

В трубке зашуршала бумага.

— По первому реестру ему выдали лекарство два дня назад. По второму он должен получить его завтра. Лариса говорит, раньше его фамилии в списках не было.

— Значит, за трое суток он успел получить одну и ту же помощь дважды, причём второй раз ещё не наступил.

— Или кто-то заранее приготовил объяснение, почему его привозили в больницу.

Это было ближе. Белый фургон вошёл в больничный двор в 01:26. Неизвестного мужчину провели без документов, а утром вывезли через хозяйственный выход. Если запись о пациенте появится позже, ночной приезд можно будет превратить в доставку лекарства. Машина фонда якобы привезла не свидетеля, а благотворительный груз.

Илья позвонил Ремезовой. Она ответила из машины.

— Я уже еду в больницу, — сказала она. — Ночная копия поступила. Оригинал фонда опечатан до осмотра. Не пытайтесь раньше меня разговаривать с персоналом.

— Я представляю Белова. Мне нужно проверить обстоятельства, оправдывающие его.

— Проверяйте законно. И не предупреждайте людей, у которых завтра должна появиться подпись Костина.

— Тогда встретимся у приёмного покоя.

— Через двадцать минут.

Илья приехал за пятнадцать. Городская больница занимала три корпуса, соединённые переходами. Новый фасад выходил на проспект, старый кирпичный корпус прятался за котельной. Между ними был двор, куда ночью въехал фургон. Сейчас у разгрузочной рампы стояла машина прачечной, санитар перекатывал мешки с бельём, а над дверью горела камера в сером кожухе.

Илья не стал входить. Он обошёл двор по тротуару и записал то, что можно было увидеть с общедоступной дороги: две камеры, ворота без шлагбаума, дверь хозяйственного корпуса, отдельный подъезд к аптечному складу. Белый фургон мог остановиться у любого из трёх входов.

У ворот лежал свежий песок. На нём отпечатались узкие колёса тележки и тяжёлые следы машины. Илья сфотографировал общий вид, не заходя за ограду. Следы были сегодняшними и ничего не доказывали, но расположение двора объясняло, как человека можно провести мимо центральной регистратуры.

Ремезова подъехала с двумя сотрудниками и специалистом по цифровым записям. Вместо приветствия она протянула Илье копию постановления о выемке.

— Можете присутствовать при действиях, которые относятся к вашему ходатайству. В служебные помещения без разрешения не входить. Вопросы задаю я.

— А если вы не зададите нужный?

— Запишете и передадите мне.

В приёмном покое пахло хлором, мокрой одеждой и остывшей кашей. За стеклом регистратуры сидела женщина в сиреневой кофте. Увидев удостоверение Ремезовой, она позвала заведующего сменой.

Заведующий оказался худым мужчиной по фамилии Брагин. Он быстро прочитал постановление и попросил юриста больницы. Ремезова согласилась ждать десять минут, но сразу потребовала запретить автоматическое удаление записей с камер и изменение журнала поступлений.

— Записи уже сохраняли вчера, — сказал Брагин. — Ваши сотрудники приезжали.

— Они сохранили камеры двора. Сегодня нужны журналы приёмного покоя, аптечного склада и внутренние проходы.

— Внутри камер почти нет. Врачебная тайна.

— Нам не нужны кабинеты. Нужны коридоры и служебные входы.

Юрист больницы пришла с папкой и включённым диктофоном. После короткого спора они прошли в архивную комнату. Илье отвели стул у двери. На стол принесли три журнала: поступившие без документов, ночные обращения и выдача препаратов со склада.

В ночь убийства в первом журнале была пустая строка между 01:18 и 02:03. Нумерация перескакивала с 214 на 216.

— Где запись 215? — спросила Ремезова.

Брагин провёл пальцем по корешку.

— Возможно, ошиблись при заполнении.

— Страницу не вырывали. Строка есть, номера нет.

— Медсестра могла начать запись, потом перенести в другой журнал.

В журнале ночных обращений запись 215 нашлась. Мужчина примерно сорока лет, ушиб головы, спутанность, доставлен сопровождающим. Имени не было. Время — 01:31. В графе «доставил» стояло одно слово: «фонд».

— Кто заполнял? — спросила Ремезова.

— Дежурная медсестра.

— Она сегодня работает?

Брагин помедлил.

— Смену закончила утром после той ночи. Потом взяла отпуск.

— Адрес и телефон.

Юрист больницы возразила, но Ремезова указала на постановление и отдельно внесла требование в протокол. Илья тем временем смотрел на время. Фургон въехал во двор в 01:26. Пять минут до записи. Мужчину не осматривали на улице и не искали документы. Его ждали или знали, куда вести.

— Врач указан? — спросил Илья.

Ремезова молча показала ему лист. Врачебная графа была заполнена инициалами А. В. М. Брагин назвал кардиолога Алексея Вадимовича Мезенцева.

— При ушибе головы вызвали кардиолога? — спросила Ремезова.

— Ночью помогает тот, кто свободен.

— Где осмотр травматолога?

— Может быть в электронной карте.

Электронной карты не оказалось. По номеру 215 система показывала удалённую черновую запись без пациента. Специалист Ремезовой попросил выгрузить журнал изменений. Больничный программист долго говорил о резервном копировании, разных правах доступа и ноч-

ной перезагрузке. Когда выгрузка наконец появилась, выяснилось: черновик создали в 01:34 с компьютера сестринского поста, а в 06:12 открыли под учётной записью заведующего аптечным складом. В 06:19 фамилию пациента стёрли, после чего запись оставили без сохранения.

— Какая фамилия была? — спросил Илья.

Программист пожал плечами.

— Журнал изменений показывает поле, но не прежнее значение.

— Резервная копия?

— Ночная делается в три часа.

В комнате стало тихо.

Копия в три часа должна была сохранить фамилию до удаления.

Программист посмотрел на Брагина, потом на юриста.

— Если задание прошло нормально.

— Проверяйте, — сказала Ремезова.

Архив хранился на сервере в другом корпусе. Пока специалист подключался к нему, принесли журнал аптечного склада. На завтрашнее число там уже была приготовлена строка: фонд «Берег», партия БР-0417, тридцать две упаковки, основание — акт передачи. Графы количества и подписи оставались пустыми.

— Вы заранее создаёте строки будущих поставок? — спросила Ремезова.

Заведующая складом Галина Кречетова, женщина с короткими седыми волосами, ответила без растерянности:

— Когда фонд присылает уведомление. Чтобы утром не держать курьера.

— Где уведомление?

Она принесла распечатанное письмо. Оно пришло вчера в 18:42 с адреса Сергея Юдина. В приложении был список пациентов и акт передачи. Костин стоял первым.

— Вы проверяете решения комиссии? — спросил Илья.

Кречетова повернулась к Ремезовой, ожидая разрешения отвечать адвокату. Та кивнула.

— Фонд проводит свою комиссию. Мы только принимаем препарат и выдаём по назначению врача.

— Костин наблюдается у вас?

— По фамилии не помню.

— Его нет в больничной системе, — сказал программист, не отрываясь от ноутбука. — Ни Михаила Андреевича, ни мужчины с таким годом рождения.

— В списке нет года рождения, — заметила Кречетова.

— Именно, — ответил Илья. — Как вы собирались отличить его от другого Костина?

Заведующая снова посмотрела на распечатку. В списке действительно были только фамилия, имя, отчество и номер решения фонда. Ни даты рождения, ни адреса, ни номера карты.

— Курьер привозит отдельные направления, — сказала она уже тише.

— Завтра привезёт?

— Обычно да.

— А два дня назад Костину уже выдавали препарат из этой партии.

Кречетова резко подняла голову.

— Из этой партии ничего не поступало.

— В реестре фонда стоит выдача.

— Тогда спрашивайте фонд. У нас партии БР-0417 не было.

Ремезова положила рядом копию первого реестра. Кречетова проверила серию, затем открыла отдельную тетрадь температурного хранения. Каждую коробку дорогого лекарства при поступлении клали в холодильник и записывали время, температуру и номер пломбы. БР-0417 в тетради отсутствовала.

— А похожий номер? — спросила Ремезова.

— БР-0411 был в августе. Шесть упаковок. БР-0415 — одна упаковка по срочному запросу. Тридцать две коробки я бы помнила: у меня отдельная полка занята.

Илья записал её слова. Пустая ячейка в порту и пустая полка в больнице теперь относились к одной партии. На бумаге препарат одновременно лежал на складе, был выдан пациентам и готовился к завтрашней передаче. В действительности никто из присутствующих не видел ни одной коробки.

— Кто подписывает акт от больницы? — спросила Ремезова.

— Я или заместитель главного врача.

— Вам когда-нибудь приносили акт после даты передачи?

Кречетова сжала губы.

— Приносили на следующий день. Если курьер опаздывал с документами.

— Пустой акт подписывали?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро. Ремезова не стала спорить. Она попросила образцы актов за полгода. Среди них нашлись три поставки фонда «Берег». На двух подпись Кречетовой стояла синей ручкой, номер пломбы был вписан её аккуратным почерком. Третий акт выглядел иначе: подпись распечатана вместе с бланком, номер пломбы отсутствовал, а количество написано тем же шрифтом, что фамилии пациентов.

— Это ваша подпись? — спросила Ремезова.

Кречетова взяла лист двумя пальцами.

— Похожа. Но я так не подписываю акты. Я всегда пишу время рядом.

— Почему вы раньше не заметили?

— Этот экземпляр не из моей папки. Его прислал фонд в конце месяца для сверки.

— Вы сообщили, что поставки не было?

— Я написала бухгалтеру фонда. Мне ответили, что это копия для отчёта и оригинал хранится у нас. Я искала оригинал, не нашла. Потом Мельник оплатил ремонт холодильника, и главный врач сказал не устраивать скандал из-за бумаги, если лекарство получили пациенты.

— Получили?

Кречетова посмотрела на пустую строку завтрашней поставки.

— Я не проверяла каждого.

В дверь постучал специалист. Резервная копия за ночь убийства сохранилась. В черновой карте номер 215 стояла фамилия Костин. Имя — Михаил. Отчество и дата рождения отсутствовали. В жалобах было записано: головокружение, тошнота, ссадина на виске. В примечании: «не регистрировать до уточнения».

Кардиолог Мезенцев пришёл через полчаса. Он держал руки в карманах халата и с первого вопроса заявил, что не помнит ночного пациента.

— У вас за смену было шесть обращений, — сказала Ремезова. — Не шестьдесят.

— Люди запоминаются хуже, чем вам кажется.

— Вы создали черновую карту на Костина в 01:34.

— Медсестра могла войти под моей записью.

— В журнале стоят ваши инициалы.

— Это не подпись.

Илья передал Ремезовой записку: «Спросить о сердечном препарате». Следователь прочитала и положила лист перед врачом.

— Почему человека с ушибом головы связали с программой помощи сердечным больным?

Мезенцев впервые вынул руки из карманов.

— Я никого не связывал.

— Завтра Костин должен получить здесь лекарство по линии фонда. Два дня назад фонд записал, что уже выдал его. В ночь между этими датами вы оформили Костина без документов и велели не регистрировать до уточнения.

— Я не велел.

— Кто велел?

— Не помню.

— Кто его привёз?

— Мужчина из фонда.

— Имя.

Врач посмотрел на юриста больницы. Та сказала, что он вправе пригласить адвоката. Мезенцев сразу воспользовался советом и прекратил объяснения.

До прихода его защитника Ремезова не могла продолжать опрос. Она изъяла копии журналов, резервную запись и письмо Юдина, а оригиналы опечатала. Илья вышел с ней в коридор.

— Костина привезли живым, — сказал он. — Это уже не анонимный звонок.

— Электронная запись подтверждает только человека с его фамилией.

— Фамилия, время, фургон, фотография у двери и будущая поставка.

— Для суда понадобится опознание или биологический след.

— Постель, бинт, стакан, всё, чего он касался.

— Палата могла быть занята после него.

— Какая палата?

Ремезова вернулась к резервной карте. Номер помещения не был указан. Зато в служебной строке сохранился код койки: С-04.

Брагин объяснил, что буквой «С» обозначали старый санитарный блок, который официально не использовался для пациентов. Там держали запасные кровати перед ремонтом.

Дверь санитарного блока находилась в подвале старого корпуса. На ней висела новая навесная пломба больницы, поставленная вчера после первого приезда полиции. Внутри было четыре узких комнаты. На кровати С-04 лежал голый матрас. Пол вымыли, металлическое изголовье блестело влажными разводами. В мусорной корзине ничего не осталось.

Криминалист осветил стену и край кровати. У плинтуса нашлась засохшая капля бурого цвета, на трубе отопления — короткая серая нить. Под матрасом застрял уголок бумажной салфетки с тёмным пятном. Всё упаковали отдельно.

— Уборка когда была? — спросила Ремезова.

Санитарка сверилась с листом заданий.

— В шесть утра того дня. Срочная отметка от заведующего хозяйством.

— Обычно здесь убирают?

— Раз в неделю. Если не пользуются — зачем каждый день?

— Кто дал срочную отметку?

— Он скажет, если найдёте. Со вчерашнего дня телефон выключен.

Фамилия заведующего хозяйством была Шалаев. Не Андрей, техник порта, а его отец — Виктор Петрович Шалаев, двадцать лет отвечавший в больнице за хозяйственный корпус.

Илья почувствовал, как удобная прямая линия снова раздваивается. Синяя куртка, камеры, ключи и больничный двор могли быть связаны не только с одним техником. У Андрея Шалаева был человек внутри больницы, знавший пустые комнаты, камеры и время уборки.

— Родство подтверждено? — спросил он.

Брагин кивнул.

— Отец и сын. Андрей раньше здесь настраивал камеры, потом его подрядчик забрал обслуживание порта.

— Кто обслуживает больничные камеры сейчас?

— Та же фирма.

Ремезова велела проверить доступы обоих Шалаевых, сохранить договоры и журналы входа в систему. Её специалист сообщил, что запись коридора санитарного блока отсутствует ровно с 01:20 до 05:58. Не файл был удалён — камера в этот промежуток числилась отключённой на профилактику. Заявку на профилактику создали за день до убийства под учётной записью Виктора Шалаева.

— Дело закрыли раньше, чем начали, — тихо сказал Илья.

— Что?

— Они заранее освободили не только путь из порта. Они заранее приготовили место здесь.

Ремезова не ответила. В подвале было слышно, как по трубам идёт вода. Криминалист снял смыв с края кровати и запечатал пакет.

На выходе Кречетова догнала их у лестницы.

— Я вспомнила ещё одно, — сказала она. — Курьер фонда утром звонил насчёт завтрашней поставки. Просил, чтобы акт подписал не я.

— Почему?

— Сказал, Мельник хочет лично вручить помощь перед журналистами. Подпись заместителя главврача выглядит солиднее.

— Имя курьера?

— Он не назвался. Но номер у меня сохранился.

Номер принадлежал диспетчерской логистической группы Мельника — той же линии, которая была указана как телефон «Медснаб Севера».

Илья попросил Кречетову ничего не отменять самой. Ремезова поддержала:

— Больница ответит фонду, что принимает поставку по обычному порядку. Время и место не меняйте. Людей предупредим только тех, без кого нельзя обеспечить сохранность.

— Вы хотите дождаться машины? — спросила Кречетова.

— Я хочу увидеть, что именно они назовут партией БР-0417.

На улице уже темнело. Снег, растоптанный у приёмного покоя, схватился тонким льдом. Илья остановился возле машины Ремезовой.

— Если завтра привезут настоящие коробки, они скажут, что ошибка в датах исправлена.

— Проверим серии, пломбы, вес и путь машины.

— Если не привезут, появится акт с подписью заместителя.

— Поэтому акт не останется без наблюдения.

— А Костин?

— Ищем. Запросили вокзал, автостанцию, камеры выездов. Его телефон выключен с ночи убийства.

Илья посмотрел на окна старого корпуса. Где-то за ними человека без документов положили на койку, стёрли его имя, вымыли комнату и приготовили ему роль пациента благотворительного фонда. Роль должна была объяснить фургон, больницу и отсутствие Костина одновременно. Но бумагу заполнили слишком рано. В одном реестре лекарство уже выдали, в другом оно ещё лежало в порту, а в больнице его собирались принять завтра.

— Пациента у них нет, — сказал Илья. — Поставки тоже нет. Есть только три даты для одной и той же коробки.

Ремезова закрыла папку.

— И человек, которого они очень стараются превратить в строку.

Перед тем как уехать, она получила сообщение от лаборатории. Предварительная проба с кровати С-04 дала реакцию на кровь. Материала хватало для сравнения, если найдётся образец Костина.

Илья позвонил в коллегию и попросил Нину узнать у жены охранника, сохранились ли дома его расчёска или зубная щётка. Потом открыл блокнот и под семью ключами написал новый счёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.